

ТАТЬЯНА ДОБРОХОТОВА

БЕРЦИК.
НОВАЯ ЖИЗНЬ

Татьяна Доброхотова
Берцик. Новая жизнь

«Издательские решения»

Доброхотова Т.

Берцик. Новая жизнь / Т. Доброхотова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748625-9

Трудно жить, совсем ничего не помня о себе. Понадобится достаточно времени, усилий, нового опыта, чтобы вернуться к самому себе уже другим человеком. Приключенческий роман.

ISBN 978-5-44-748625-9

© Доброхотова Т.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Без себя	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Берцик. Новая жизнь

Татьяна Доброхотова

*Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку*
Борис Пастернак. Гамлет.

© Татьяна Доброхотова, 2016

© Дарья Кагарлицкая, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Без себя

Глава 1

Сознание возвращалось медленно, капля за каплей, просачиваясь сквозь окружающую безразмерную, бескрайнюю пустоту. Вернее, не сознание, а только ощущение, представление о себе самом. Он человек, ему больно, неприятно и неудобно. Где-то лежит. Под ним мокрая неровная жесткая поверхность. Слышны какие-то равномерные звуки. Похоже, это плещется вода. Вроде, совсем рядом, близко.

Так постепенно внутри оформлялся, всплывал на поверхность первый вопрос, только он еще не знал, кому его задать. Где я? Ответа не было. Он явно не знал его. Наверное, с ним что-то случилось, непонятное, необычное, только не удастся вспомнить, что именно. Откуда он здесь взялся?

Мерное течение мыслей было нарушено внезапно. Ужасом, нахлынувшим, затопившим все клеточки мозга. Кто я? Порывшись внутри, дойдя до самых дальних границ себя, ответа человек не обнаружил. Он не знает. Неприятное открытие ошеломило, тут же отозвалось страхом, паническим, с которым трудно справиться. Так не бывает. Не может быть! Себя помнишь всегда.

Он попытался отвлечься от темного, вязкого, страшного, не позволяющего пробиться сквозь собственную структуру, прогнать страх. Усилием воли переключился на первый, очень важный сейчас вопрос. Где? Чтобы узнать, надо обязательно что-то сделать, немедленно, сейчас.

С трудом открыл глаза, сразу заломившие от яркого дневного света, но почти ничего не увидел. Среди густо-зеленых травинок лазил почему-то показавшийся огромным, как в мультфильме, муравей. Он где-то лежит. Где-то, где есть земля, трава и муравьи. Это хорошо. Значит, жив. И уже что-то узнал о себе.

Еще пара минут ушли, чтобы сообразить, какое движение должно стать следующим. Наконец, собрал в одно все имеющиеся силы, сел. Тело пронзило такой острой болью, что он чуть опять не потерял сознание. Болело везде, он сам стал болью, сквозь которую уже не ощущал своего собственного тела. Он подождал, немного передохнул. Боль не ушла, но сделалась уже не такой пронзительной, немного отступила. Можно стало оглядеться по сторонам. Аккуратно, стараясь почти не двигаться, он посмотрел вокруг.

Прямо перед ним была река. Совсем не широкая, мутная. Вода серо-бежевая, непрозрачная, но с бурным, местами закручивающимся в воронкообразные водовороты, течением. По берегам виднелись узкие полоски травы с чахлым, низкорослым кустарником, сухим, почти без листьев. С ярко-синего неба светило неправдоподобно огромное солнце, быстро высушивая изорванную мокрую одежду на нем.

А вокруг: впереди, справа и слева, высились угрюмые, цвета земли или песка, горы. Они были везде, местами почти вплотную подступая к реке. Кроме них вокруг ничего не было. Горы? Почему он тут? Открывшийся суровый вид ничего не сказал его сердцу. Он ничего не знает о горах. Или тоже не помнит? Как не помнит почти ничего. По-прежнему не понимал он, где и как очутился, и какие действия надо совершать дальше.

Под самым боком плещется речная вода. Это не дело. Он такой слабый сейчас, если потеряет сознание – может захлебнуться. Попробовал отползти подальше, выбраться из воды. Но вернулась боль, и он оставил свои попытки. Просто опять лег и стал ждать, что будет с ним дальше. Сам он сейчас ничем не мог помочь себе.

Лежал он долго, несколько раз засыпая и просыпаясь опять. Или так ему только казалось, среди того непонятного, чужого, что обступало его. Но вот что-то изменилось. Позади него явно появились люди. Он слышал, как они разговаривают между собой, но не понимал о чем. Речь отрывистая, гортанная, слова звучали непривычно для него: резко и жестко, словно кто-то кидал камни, и они сталкивались друг с другом, перекатывались, с громкими, щелкающими звуками. Но вот темп разговора ускорился. Он уловил в чужих голосах удивление, непонимание. Наверное, они увидели его. Может, помогут.

К нему подбежали двое мужчин. Оба бородаты, одеты в странную одежду. Головы заматаны платками, халаты. Он явно где-то на Востоке. Но как оказался здесь, почему и зачем? Отчаянно жестикулируя, незнакомцы, видимо, обратились с вопросами. Но он только отрицательно покачал головой, не понял ни слова. Догадались об этом и его собеседники. Посоветовавшись между собой, подошли к нему с двух сторон, аккуратно поддерживая, попытались вытащить из воды. Но даже их бережных усилий оказалось достаточно, чтобы боль опять утащила его туда, откуда он так недавно вернулся. Все померкло вокруг, и он снова провалился в забытье.

В себя он вернулся уже в другом месте. Опять лежал, но теперь уже на кровати, правда узкой и неудобной, заправленной стареньким, но чистым постельным бельем. Комната оказалась большая, но какая-то странная. Стены, похоже, были сделаны из камня, а вместо пола – просто хорошо утоптанная земля. Легкие занавеси прикрывали оконный проем без рамы. Койка его стояла у окна, и он опять увидел горы, до которых, казалось, можно дотянуться, так близко.

Он попытался повернуться, чтобы лучше рассмотреть помещение. Что-то мешало ему, сковывая движения. Правая нога оказалась загипсованной, грудную клетку стягивала жесткая повязка. В комнате стояли еще шесть кроватей. Три из них пустовали, там не было даже матрасов, только голые металлические сетки с пружинами. Остальные были заняты. Напротив него кто-то шумно храпел, плотно завернувшись в легкое покрывало. Рядом кровать была разобрана, но там никого не было, вероятно, хозяин куда-то отошел.

Похоже на больницу. Что же все-таки случилось, почему он чувствует себя так, будто только что недавно родился, там, у реки, ничего не зная о том, каким был до этого? Он видел перед собою бедную внутренность больничной палаты, но не мог бы сказать это словами, он узнавал каждый предмет и откуда-то знал, что он собой представляет, но внутри отсутствовало что-то важное, основополагающее, что и делает человека человеком – он словно был нем там, внутри, не зная названий того, что его окружает, а только видя и ощущая все, что находилось рядом с ним. И себя самого он чувствовал словно как-то опосредованно, человеком, телом, физиологической конструкцией, но не личностью, индивидуальностью, как, он догадывался, было раньше, или должно было быть. Впечатление от дискомфорта, вызванного таким непривычным самоощущением, а точнее, его отсутствием, так напугало его, что он чуть в голос не закричал, в слабой надежде на то, что хотя бы криком ему удастся вернуть то непонятное, что, он точно чувствовал, сейчас утрачено внутри него.

Сидящий на соседней с ним койке старик в странных полотняных брюках и свободной без воротника рубашке ниже колен, заметив, что он открыл глаза и заворочался, мигом подскочил к нему и стал о чем-то спрашивать все на том же, совершенно чужом языке. Убедившись, что его не понимают, сосед выскользнул за дверь, скоро вернувшись в сопровождении молодого мужчины в белом халате. Лицо у того было красивое, смуглое, доброжелательное. Доктор тоже попытался задать какие-то вопросы. По тому, как менялась его артикуляция и произношение, он понял, что врач обращается к нему на разных языках. Но ни одного из них, увы, не понял. Страшная мысль о том, что он немой, или просто не знает человеческой речи, продолжала парализовать сознание, но он пытался отгонять ее, утешая себя тем, что, вроде,

кроме слов, понимает и оценивает все вокруг себя правильно, просто с ним что-то произошло, случилось, пока еще неизвестное ему.

В основном при помощи жестов, доктор объяснил, что у него сломана правая нога и несколько ребер, но все это не так уж страшно, скоро выздоровеет. После ухода врача он сразу заснул, утомленный общением.

В следующий раз проснулся вечером. Солнце в окне уже закатывалось, не светило так ярко как днем, горы казались более угрюмыми и молчаливыми, от них тянулись длинные тени, воздух чуть посвежел. Повернувшись в сторону комнаты, он увидел, что его соседи по больнице, расстелив на полу коврики, тихо молятся. Мусульмане, понял он. Интересно, вот факт откуда-то понятный. Это знание пришло как-то спокойно и естественно. Похоже, он знает это давно. Обрадовавшись, попытался заглянуть вглубь себя, чтобы также легко вспомнить что-нибудь еще. Но нет, эта дверь по-прежнему оказалась запертой. Ничего внутри него не изменилось, там также, вместо знаний о себе, царил полная и беспросветная пустота. Отчего, почему он ничего не может вспомнить? Но ответа по-прежнему не было. Оставалось только смириться.

На ужин соседи принесли ему что-то вроде каши, но непривычную по вкусу, острую и соленую, сваренную с обилием специй, еще простоквашу и хлеб. Только увидев еду, он понял, что голоден и с удовольствием съел все. Его соседи относились к нему дружелюбно, пытались помочь и развлечь, но чувствовал он в их поведении какое-то любопытство и отстраненность, как к существу чужому и непонятному. Да, он явно находится не там, где всегда, и не среди тех, кто близок ему. Но где же то место, которое положено ему? И как получилось так, что он оказался здесь, ничего не зная о том, что все люди знают о себе?

Следующие три дня он уже не спал днем. Силы постепенно возвращались. Ежедневно заходил доктор, давая понять, что выздоровление идет успешно. Однако в голове ничего не прояснялось. Он все также не знал кто он, откуда и как его зовут. В зеркале на него глядел мужчина лет сорока, с совсем темными волосами и щетиной, почти такого же цвета, как и у всех мужчин, виденных им тут. Но глаза были яркие, зеленые, а кожа бледная, совсем светлая, еще не тронутая загаром. Рост у него оказался высокий, он был значительно выше и доктора, и его соседей по палате. Этим он тоже отличался от них. Его все время волновал вопрос о том, что именно он знает, в противовес тому, что не знает о себе. Мысленно он часто устраивал себе экзамены и тесты, стараясь хотя бы в чем-то докопаться до себя. Так вот, он точно знал, что землю населяют разные люди, различающиеся не только языками, но и внешностью. Раз он не похож на тех, кто сейчас здесь, рядом с ним, значит, он родился где-то в другом месте, среди людей, похожих на него внешне и внутренне. Только где находится то место – об этом он не имел ни малейшего представления.

Сначала жестами, а потом даже заучив некоторые слова, у своих соседей он выяснил, что пребывает в больнице маленькой, спрятанной среди гор деревушки. Но ему так и не удалось понять самого главного, что это за страна. Соседи называли ее по-своему, на своем языке, и название ничего не сказало ему. Он подумал, что может, вообще не знает такой страны, или забыл. Мысленно погоняв себя по географии, убедился, что приблизительные представления о мире имеет. Правда, и это упражнение ничуть не помогло ему приблизиться к ответу, откуда родом он сам.

Часто он теперь думал о том, что будет делать дальше, когда переломы срастутся, но ничего толкового ему в мысли не приходило. В голову лезли всякие, видимо слышанные когда-то или прочитанные в книгах, истории про тех, кто, выйдя из дома, пропал и никогда не вернулся, про существующее, якобы, еще на Востоке рабство, куда угоняют сильных работоспособных мужчин. Умом он понимал, что эти сказки, скорее всего, к его нынешнему положению никакого отношения не имеют. Но расшатанные непонятной ситуацией нервы давали себя почувствовать. Чем он займется, когда выздоровеет? Куда направится и как? При нем

не было ни одного документа. Даже одежда, в которой он был одет сейчас – не его, дали в больнице. Эти мысли тревожили, мучили, не давали спать по ночам.

Шел четвертый день его пребывания в деревне. Он уже приуныл к графику жизни в их комнате и с нетерпением ждал прихода врача, чтобы спросить у него, когда можно будет снять давящую, мешающую дышать повязку. Наконец, кто-то отодвинул полог, прикрывающий вход. Но это оказался не доктор. Все, кого он уже видел здесь, были одеты по-восточному: в странных головных уборах, длинных полотняных рубашках-халатах, свободных брюках.

Мужчина, вошедший в комнату, выглядел по-другому. Высокого роста и очень плотный, со светлыми кудрявыми волосами, чисто выбритым лицом. Одет он был в джинсы с кроссовками и яркую майку. Остановившись в проходе между кроватями, сложил руки в традиционном жесте восточного приветствия. Трое больных ответили ему и что-то быстро заговорили, указывая на койку возле окна.

Визитер устроился в ногах кровати. Какое-то время они внимательно рассматривали друг друга. Наконец, гость протянул для пожатия руку, представился:

– Штефан.

Что-то на мгновение искрой промелькнуло в голове и растаяло. Имя оказалось знакомым, в отличие от имен других больных и врача, которые он с трудом заучивал.

– Понимаешь меня? – опять обратился к нему Штефан.

Он понимал, и это показалось счастьем. И даже смог ответить.

– Да, но это не мой родной язык, я знаю, чувствую. На каком мы говорим?

– Это английский. Расскажи мне о себе. Как тебя зовут, откуда ты? Как оказался тут?

– Я не могу. Ничего не помню о себе. Ничего.

– Да, история. А ты не выдумываешь? Может, не хочешь говорить, скрываешься?

– Нет, я не вру. Пожалуйста, поверь мне. Я ничего не знаю. Мне и самому страшно. Помню только, как пришел в себя на берегу реки.

– Кто же ты такой? По-английски говоришь с акцентом. Но вроде европеец. Внешне похож на грека или испанца. Что же нам с тобой делать?

– А где я?

– В смысле?

– Что это за страна?

– Ты и этого до сих пор не знаешь? Мы в Афганистане. Тебя нашли на берегу и притащили сюда, в больницу. Вся деревня только о тебе и говорит, ты теперь у них первая местная достопримечательность.

Афганистан... Это слово совсем ничего не напомнило ему. Нет, конечно, он знал, что есть такая страна. Но что делает здесь он сам, как оказался, и откуда, этого понять все еще никак не получалось.

– А ты сам кто? Откуда? Твое имя кажется мне знакомым.

– Я из Польши, – и дальше Штефан перешел на свой родной язык.

– Я понимаю тебя!!! Ты рассказываешь, что вы снимаете документальный фильм недалеко отсюда, вас четверо. Вчера кто-то из местных рассказал тебе обо мне, что меня нашли у реки, и никто в деревне не может понять, кто я такой. Тебе стало интересно, и ты приехал посмотреть и поведать.

– Понимаешь? Ты понимаешь меня? Значит, мы с тобой соотечественники? Ты это хочешь сказать? Но отвечаешь-то ты мне по-английски. Попробуй тогда перейти на польский.

– Знаешь, я не могу, не получается.

– Странно. Я не врач, и вообще не специалист. Но на родном языке, думаю, заговорить ты бы смог. Ты вон и на английском нормально чешешь. Может, твой родной язык просто

похож на польский? Значит, возможно, ты тоже из Восточной Европы, раз понимаешь. Серб? Русский? Украинец?

– Не знаю. Ничего не получается.

– Ладно, я хочу сказать, мы поможем тебе. Здесь глушь, европейцев нет, одному тебе будет трудно. Выздоровливай. Мы тут, недалеко, в двухстах километрах от тебя, будем навещать. Пробудем здесь еще два месяца, попробуем что-нибудь сделать, чтобы ты мог улететь с нами. Ну, поправляйся, еще увидимся. Поехал я, пока светло.

Встреча со Штефаном ободрила и взволновала его. В голове постоянно крутилась какая-то мысль, какое-то никак не уловимое воспоминание. Что-то одновременно притягивало и отталкивало. Почему он все понимал, но ответить не мог? В этом крылась какая-то тайна. Впрочем, все его теперешнее существование и являлось одной большой загадкой. По крайней мере, для него.

Шли дни. Он чувствовал себя все лучше и лучше. Повязку с ребер сняли, но двигался еще аккуратно, стараясь ничем не повредить недавние травмы. Насидевшись внутри помещения, теперь он радовался возможности при помощи костылей выходить на улицу. Удивительные, явно невиданные никогда прежде картины открывались перед ним, чтобы навечно врезаться в память.

Деревня представляла собой несколько коротких рядов безликих, однотонных домиков из глиняных кирпичей с оконными проемами без стекол. Место, где располагалась больница, было чем-то вроде площади, правда крошечной, с кляксами вытоптанной почти травы. Потом уже, когда он начал отходить дальше, он увидел еще несколько лачуг. Сложены из камней были только одна или две стены, другими служили скалы или огромные валуны. Вдоль строений выкопаны арыки, на дне плещется желтоватая, мутная вода.

Везде по улицам, между домами бродят лохматые пыльные овцы, спокойно гуляющие сами без всякого присмотра. Вдали, на склонах гор, видны пасущиеся большие отары.

Палящее, иссушившее все вокруг солнце. От такой жары все краски вокруг выцветают, кажутся тусклыми и линялыми. Сухая, потрескавшаяся от зноя, земля. Нога по щиколотку утопает в пыли. Редкие машины, пронсящие по дороге, издали похожи на огромный, сам собой движущийся столб пыли. В обычные дни еле заметный ветерок появляется только вечером. Многие жители деревни спят на своих крышах, чтобы воспользоваться относительной ночной прохладой. Еще хуже становится, когда начинает с гор дуть ветер. Свежесть он не приносит, но пыль тогда поднимается в воздух, и целыми днями она повсюду, от нее некуда деться, противным хрустом скрипит на зубах.

Восточные мужчины, красивые какой-то мрачной, демонической красотой, в экзотических одеждах, с замедленными, плавными движениями. Женщины, закутанные в платки или покрывала, скромно прикрывающие лица от любопытных взглядов. Очаровательные, словно с картин, дети с огромными, темными как ночь глазами. Все эти пейзажи вызвали впечатление ирреальности, сказки. Деревня была окружена виноградниками и гранатовыми деревьями, больше вокруг ничего не было, кроме мрачных коричневых гор. Казалось, он остался один на самом краю земли, оторванным не только от собственной жизни, но и вообще ото всего.

Совсем скоро он уже знал полдеревни по именам и даже мог перекинуться вежливыми приветствиями, а потом и поговорить на простые темы. Вечером, когда темнело, и легкий ветерок делал жару более-менее переносимой, к больнице подтягивались старики с трубками в руках, обутые в разномастную – от тапочек до сапог – обувь. Рассаживались на кусках парусины и звали его пить чай с большими крошачиющимися кусками чего-то, похожего по вкусу на сухое печенье. Как могли, расспрашивали его, или рассказывали о себе и своих родных. С каждым днем он все больше понимал их.

Иногда он ходил к реке на то место, где его нашли. Опустившись на землю, подолгу сидел там, думая о своем. На валунах рядом с ним грелись большие серые ящерицы. Вся земля вокруг

истыкана норами, по которым снуют какие-то рыжие мохнатые зверюшки. Горы со всех сторон до горизонта. Каменные, покрытые темным мхом завалы, подступающие к самой воде. Откуда он взялся здесь? Что с ним произошло? Пару раз, когда он засиживался до вечера, случилось наблюдать ему фантастичный, нереальный, как все вокруг, закат.

Свет постепенно мерк, уходил, краски вокруг меняли тона. Тени, до этого прячущиеся в расщелинах и ущельях, выбирались наружу, окутывали, начиная с подножий, горы. Последними пропадали гордые, устремленные вверх, снежные пики. Небо темнело, и на нем проступали крупные, яркие как электрические фонари, звезды. Их было столько и так близко, что это было похоже просто на вышитое блестящими нитками бархатное покрывало. Темнота становилась полной и такой глубокой, что, казалось, вокруг уже никогда не будет света. Тогда он поднимался и отправлялся в деревню, почти ощупью, по знакомой тропинке. Благо, идти было совсем недалеко.

Пару раз в гости к нему навевывались поляки, чаще всего это был Штефан, иногда с ним приезжал кто-нибудь еще. По всему было видно, что им жалко его, они уговаривали ничего не бояться и обещали помочь. Он привык к ним и испытывал глубокое, ни с чем не сравнимое чувство благодарности к этим незнакомым людям, которые почему-то взяли себя опеку над ним.

И наконец, наступил такой день, когда гипс сняли. Пока на ногу было еще больно наступать, но доктор заверил, что скоро все восстановится и станет не хуже, чем было. Ребра срослись еще раньше и никаких неприятностей больше не доставляли. Он был готов отправиться в дорогу, хотя грядущие перемены несколько смущали. Он уже привык к неторопливости местной жизни и ко всему, что эту жизнь составляло.

Штефан явился через два дня. Огромный прокатный джип, за рулем которого он сидел, выглядел как океанский корабль, готовый унести в кругосветное путешествие. Провожали их всей деревней, обступив машину и улыбаясь на прощание. Усевшись рядом со Штефаном, он почувствовал себя так, будто какая-то часть жизни закончилась, закрывается, а за поворотом ожидает нечто новое и неведомое.

Грунтовая узкая дорога, похожая на бесконечную, сложенную замысловатым узором ленту, вилась от долины к долине. Тяжелую машину постоянно подбрасывало на камнях и выбоинах, вокруг нее висело густое облако пыли. Непонятно было, как Штефан видит хоть что-нибудь через плотную серую завесу, сквозь которую все предметы размывались в неустойчивые, искаженные формы. В машине было удушающе жарко, не смотря на работающий кондиционер.

Внезапно сбоку, на обочине, промелькнул полузанесенный землей и пылью остов какой-то непривычно-странной машины, дальше еще и еще один, похожие на первый.

– Что это? – спросил он у Штефана, причем пришлось почти прокричать свой вопрос.

– Остатки БТРов. Здесь шли бои.

– Бои?

– Ты что не знаешь, или тоже не помнишь?

Нет, он конечно знал. Война в Афганистане, БТРы, что-то было в этом такое, знакомое что ли. Опять что-то мелькнуло в глубине памяти и тут же ускользнуло, спряталось от него.

– Здесь вообще много чего еще осталось, – между тем продолжал рассказывать Штефан, работающий в Афганистане уже не в первый раз, – почему-то не убирают совсем. Раньше на полях и в огородах еще мины и снаряды лежали. Да и сейчас все железки просто сдвинуты к краям, никто не знает, что там можно найти.

На обед остановились в каком-то маленьком кафе прямо на дороге, состоящем из нескольких кривобоких столиков под полотняным тентом. Кроме них там оказались еще только четверо местных мужчин, что-то бурно обсуждающих в углу. Пока они ждали еду, Штефан рассказывал о фильме, который они снимали здесь.

– И еще знаешь, я хотел поговорить с тобой. Смотри, мы все также говорим как в самом начале – я по-польски, ты по-английски. Как я понимаю, ты так ничего и не вспомнил. Чтобы выбраться отсюда, тебе в первую очередь нужны документы. Единственный способ получить их – через наше посольство. Но там тебе придется доказать, что ты тоже из Польши. А значит – как минимум, разговаривать на этом языке. И времени у тебя мало. Давай, старайся, пробуй. Это пока твой единственный шанс. Я не знаю, что с тобой случилось и откуда ты, но хочешь улететь с нами, давай, говори.

– Да, я знаю, постараюсь.

– Начинай стараться прямо сейчас. Иначе у нас ничего не выйдет. Мы в чужой стране, это все осложняет.

Наконец, им принесли тарелки с рисом, ломти баранины и глубокую миску с жирной острой подливкой, в которую полагалось крошить куски лепешки. Перекусив, отправились дальше.

В городок, где жила съемочная группа, они приехали почти ночью, вокруг не светило ни одного фонаря, потому что их не было, только неяркий свет сквозь окна домов. Гостиница, в городе она считалась лучшей, оказалась похожа на одноэтажный барак, с длинным коридором внутри. По обе стороны от коридора располагались комнатухи с кроватью и диваном, шкафом. В туалете в конце коридора водопровода не было, только большой пластиковый бак, наполненный ржавой водой. Воду в старый, тоже насквозь проржавевший душ, а также электричество, давали по вечерам, с восьми до часу ночи.

Штефан, просидевший за рулем почти целый день, указал ему на диван в своей комнате, а сам почти сразу заснул, только добравшись до кровати.

Диван оказался комковатый и неудобный. В окнах были стекла, не пропускающие в комнату ночную прохладу. Лопасти вентилятора под самым потолком еле крутились, не в силах разогнать духоту, но при этом шумели. Мысли в голову лезли тревожные и мрачные. Он должен сделать все, чтобы улететь с поляками. Остаться никому не нужным, одному, здесь – ничего не может быть хуже. Это чужая страна и чужая судьба. Он не помнит о своих, но отсюда обязательно надо выбираться.

Глава 2

Утро пришло, как всегда здесь, ярким и знойным, бесцеремонно вторгнувшись в комнату светом и звуками.

Польская съемочная группа состояла всего из четырех человек. Трех мужчин и одной женщины: Анджея, режиссера, его жены, пани Беаты – сценариста, оператора Михала и его помощника Штефана, одновременно исполняющего функции водителя джипа киношников.

За завтраком он попытался произнести свои первые польские слова. Звучало это неловко и медленно, ему еще надо было привыкнуть, но оказалось вполне внятным. Он почувствовал, что сумеет говорить совсем скоро. Непосредственная пани Беата даже захлопала в ладоши, радуясь за него.

– Послушай, давай мы выберем тебе имя. А то совсем непонятно, как к тебе обращаться. Какое ты хочешь?

– Я не знаю. Не помню ни одного подходящего имени.

– Хочешь быть Владеком? Так зовут нашего сына.

– Нет. Мне кажется, это не мое.

– Тогда Казимиром? Болеславом?

– Войцех, – подхватил Анджей, – Ежи? Альберт?

К ним присоединились и остальные. Все вместе они перебрали десятки польских имен. У него даже разболелась голова от такого количества.

– Стойте, достаточно! Я хочу быть Альбертом.

Это имя, в отличие от других, почему-то понравилось ему, вызвало какой-то отклик в душе. Он захотел его сразу, как услышал. Но когда Штефан, хлопнув по плечу, провозгласил:

– Значит, ты у нас теперь пан Берцик, – внутри у него все сжалось и запротестовало, это все-таки было явно чужое имя. Он быстро отогнал от себя неприятное. Пусть будет Берцик, какая разница, если альтернативы он все равно не помнит.

Целыми днями съемочная группа моталась по окрестностям, снимая документальный видовой фильм. Берцик очень старался помогать во всем, добровольно приняв на себя обязанности разнорабочего, грузчика, просто помощника. Буквально через два дня он заметил, что говорит, уже не запинаясь перед каждым словом. А еще через несколько дней даже поляки уверились, что родом он из Польши или, на крайний случай, откуда-то совсем рядом. Только сам он еще хорошо помнил, как совсем недавно не мог произнести ничего. Собственные успехи хоть и радовали, но одновременно пугали. Вот почему он заговорил не сразу, если это его родной язык? Почему с английским все было проще? Вопросы эти были бессмысленны. Никто не мог ответить на них, а меньше всего он сам.

Жизнь они здесь вели самую замкнутую. Развлечений в городке никаких не было. После захода солнца, когда снимать в темноте уже было нельзя, подолгу ужинали шашлыками в местном паршивом ресторанчике, запивая их, как и все присутствующие, кока-колой, или проводили время в захламленном непонятными и ненужными предметами дворике возле гостиницы, играя в карты, нарды, просто беседуя за жизнь.

Иногда вечерами Анджей с Беатой пели, а все остальные подтягивали. Берцик как-то быстро выучил их репертуар, и с удовольствием тоже подпевал, ожидая этих импровизированных концертов даже с каким-то непонятным ему самому нетерпением. У него оказался поставленный, как определила Беата, развитый голос. На два вечера хватило обсуждения вопроса, не пел ли он раньше профессионально.

Эти разговоры вызвали внутри него странные, размытые, словно специально растущие рукой художника, картины. Он представлял себя стоящим у огромного, сияющего черным лаком, концертного рояля, за которым, как ему почему-то представлялось, сидела малень-

кая сухонькая старушка с седыми гладкими волосами, уложенными в строгую прическу. Раз за разом она заставляла его петь одну и ту же музыкальную фразу. Длилось это бесконечно долго. Иногда старушка сердилась, вскакивала с табурета и что-то объясняла ему, отчаянно жестикулируя. Слов сейчас он разобрать не мог, но по всему видно было ее недовольство. Редко, но случалось, она одобрительно кивала ему и даже улыбалась.

Он никак не мог понять, откуда взялись в его сознании эти загадочные сцены, насколько они реальны и имеют ли отношение к нему, к забытому прошлому. Похоже было, словно кто-то репетирует с ним, учит. Но было ли так на самом деле, или он просто придумал? Не знать ответа на свои собственные вопросы уже стало привычным для него. Так пел он профессионально или нет? Берцик честно попытался представить себя в вечернем костюме, покоряющем зал рукоплещущих поклонников. Но у него ничего не получилось. Картинка оказалась плоской и неподвижной, как фотография. Сам он не знал, что это может значить. То ли не пел со сцены никогда, то ли просто не может этого вспомнить.

Зато в один из вечеров он осмелился сделать то, что ему хотелось попробовать давно. В маленьком холле их гостиницы, за спиной портье давно приметил висящую на стене гитару. Знаками попросив и получив разрешение, он аккуратно снял инструмент. Гитара оказалась совсем старая и грязная, ее не брали в руки уже несколько лет. Слежавшаяся пыль покрыла корпус плотным жирным налетом, серыми липкими кружевами свешивалась с грифа. Конечно, расстроена, но как ему показалось, не безнадежно. Инструмент явно был старый и хорошо сработанный.

День ушел у него на то, чтобы отчистить гитару от грязи и просушить. Весь вечер потом, вооружившись плоскогубцами, он пытался совладеть со старыми струнами, чтобы они хоть чуточку зазвучали. Но когда нижняя струна лопнула в третий раз, он оставил неудачные попытки и уныло поплелся возвращать гитару на место. Портье, увидев преображенный инструмент, восхищенно зацокал языком и выложил на стойку комплект новых струн, объяснив, что хочет за него двести пятьдесят афгани – пять долларов.

Отрицательно покачав головой, Берцик уже вешал гитару на стену, когда в дверях гостиницы появился Анджей. Быстро разобравшись в происходящем, он протянул оплаченные струны Берцику.

– Возьми.

– Не надо. Я и так всем обязан вам. Это совсем не обязательно, так, может у меня еще ничего не выйдет.

– Ничего. Попробуй. Нам всем тоже интересно, что получится. Мы уже привыкли к тебе.

С новыми струнами дело пошло веселее. После некоторых усилий гитара, наконец, начала держать строй. Вечером они опять собрались во дворе. Первой опробовала новую игрушку Беата, спев под нее задорную шутливую песенку. Кое-какие навыки обращения с инструментом оказались у Михала и Штефана тоже. Когда все перепробовали, гитара опять вернулась к Берцику, а четыре пары глаз вопросительно уставились на него.

– Что? – растерялся он.

– Попробуй.

– Я? Но...

– Наверняка умеешь. Это же ты отремонтировал и настроил ее. Давай.

Медленно, как будто стараясь что-то услышать внутри самого себя, он провел рукой по струнам. Неловко зажал первый аккорд. Сначала он все время ошибался, пальцы соскальзывали со струн, он фальшивил и сбивал как первоклассник. Киношники, сперва любопытно ожидавшие чуда – не дождались и погрузились в обсуждение завтрашних съемок. А он все пытался сделать что-то, сам толком не понимая, что именно. В какой-то момент он отвлекся, мысли убежали куда-то в сторону.

И вдруг он увидел, что поляки опять пристально смотрят на него. А руки, его собственные руки, совершенно автоматически перебирают струны. Гитара пела, пытаясь рассказать что-то, возможно, о нем самом. Казалось, она знала обо всем, и о сегодняшних его мыслях, и о том, что уже отчаялся вспомнить.

Когда закончил, его наградили аплодисментами.

– Ну, ты дал! Красотища какая! Что это было? Как называется? – закидали его вопросами.

– Не знаю. Опять ничего не знаю.

– Слушай, с тобой даже как-то разговаривать неинтересно. Что не спросишь – ничего не помнишь и не знаешь.

Но на Михала все зашикали, пеняя за жестокость. Берцик смутился и ушел в комнату, чтобы пораньше лечь спать.

Зависимое, неопределенное положение, в которое он попал, давило, угнетало его постоянно. Он явственно видел свою собственную ущербность и сомневался в возможности когда-нибудь стать полноценным человеком. Ему казалось, что теперь всегда предстоит жить такой перекошенной, поломанной, непонятной жизнью, заплутавшей далеко от его индивидуальной судьбы. Альберт прекрасно понимал, как ему повезло с киношниками, трогательно опекавшими его. Без них было бы в разы труднее и страшнее. Но он взрослый человек и хорошо сознает, что это не навсегда. Чужая страна объединила всех, подружила. Но у каждого из них был свой дом, семьи, работа, наконец. А у него не было ничего, даже воспоминаний. Как и где он будет искать себя? Чем это закончится? И надо ли так жить? Стоит ли? Нужна ему такая жизнь? Вся состоящая из бесплодных попыток.

День за днем, мысли о бессмысленности и никчемности собственного существования все больше завладевали им. Он стал подавленным и мрачным, вяло реагирующим на своих друзей и текущую, как ему казалось, мимо него, жизнь. Разрушающие, но манящие своей простотой мысли, стали все чаще посещать его. Зачем напрягаться, страдать, пытаться, если можно оборвать все разом. Тогда не нужно будет больше бояться, мучить себя и всех, кто его окружает. Оборвать все в один момент, поставить точку.

Ворочаясь ночью на своем диване, он стал изобретать способы безболезненного и мгновенного ухода из жизни, и эти думы доставляли ему странное наслаждение, потому что хотя бы на некоторое время позволяли отвлечься от того внутри, что точило его каждые день и ночь.

В самом углу их гостиничного двора рос широкий, с забавными треугольными листьями, куст. Еще в первый день пребывания здесь Берцику, смеясь, показал его Михал.

– Конопля, – объяснил он. – Марихуана по-нашему. Никто ни от кого ничего не скрывает. Восток. Курильщики!

За кустом, совсем уже в скрытом от глаз углу, находилось какое-то, тоже незнакомое ему, дерево, с массивным, уже без веток, высохшим суком внизу, на правильной высоте. Вот там ему будет удобно осуществить то, что задумал. Так будет лучше всего. Для всех. Какое-то время он еще колебался, отгоняя от себя страшные мысли. Но депрессия, вызванная не только объективными обстоятельствами, но и каждодневной рутинной, незнакомыми, тяжело переносимыми условиями вокруг, не проходила. Наконец, даже со спокойной радостью в душе от того, что конец его страданиям виден, он выбрал день. Последний для себя. Теперь все закончится и не надо будет больше мучительно решать, как жить дальше, что делать.

Ночью, совсем поздно дождавшись, когда замрут последние звуки на улице, Берцик тихонько сполз с дивана. Штефан давно спал, сладко сопя в темноте. Проверив в кармане брюк прочную, специально приготовленную веревку, осторожно прикрыл за собой дверь комнаты.

Ночная свежесть порадовала его. Будто пришипленные к небу звезды заглядывали с бесконечного свода прямо в сердце, призывая опомниться, остановиться. В природе всегда все по-прежнему: просто и ясно, правильно. Останется также и без него.

С трудом продравшись через разросшийся куст, он оказался, наконец, у дерева, ствол которого оказался шершавым до остроты, как наждачная бумага, но почему-то теплым. Пару минут он просто стоял и прикидывал, как лучше со всем справиться. Наконец, аккуратно перекинул веревку через сук и постарался крепче затянуть узел. Еще несколько минут он простоял, прижавшись к стволу, мысленно прощаясь со всем на свете.

Внезапно нечто тяжелое навалилось на него сзади так сильно, что, не удержавшись, он упал на землю, больно ударившись обо что-то, скорее всего о камень. В первую секунду он испугался, решив, что на него прыгнуло какое-то крупное животное, но уже в следующий момент узнал Штефана, прижимающего его всем телом к земле и бормочущего проклятия. Отругавшись, Штефан, наконец, поднялся на ноги.

– Ты с ума сошел! Что ты задумал, что? Бог не велит, это все знают, – теперь уже друг стоял над ним, протягивая руку, чтобы помочь подняться. Но он совсем не хотел вставать. Все, что последнее время стряслось с ним, с чем он жил, пытался бороться, а также то, что он прочувствовал в те дни, когда планировал вот это – разом опять обрушилось на него, не давая не только встать, но и вздохнуть. Слезы сами собой покатались из глаз, плечи задергались, и он прижал ко рту ладони, чтобы заглушить, не пустить рвущейся наружу вой. Так воют иногда собаки, и никто не может определить почему.

Штефан поспешно опустил на колени рядом с ним.

– Не надо, перестань, я представляю как тебе трудно сейчас, я постараюсь помочь, я только не знаю как, мы уедем отсюда, память обязательно вернется, тебе надо верить...

Слушая его сбивчивые утешения, а самое главное, заглянув в растерянное добродушное лицо, Берцик постепенно успокоился и притих. Вместе они вернулись в комнату гостиницы, где Штефан предлагал посидеть рядом с ним до утра. Но Берцик упросил его тоже лечь, момент прошел, ему предстояло терпеть дальше.

Между тем, время, отведенное на съемки фильма, заканчивалось. Пора было собираться. Еще несколько вечеров, проведенных за пением в ставшем привычным и родным дворике, и все. Они перебрались в столицу.

Кабул. На подъезде к нему дорога выправилась, сменившись удобным асфальтированным шоссе. Наблюдая в окно лежащий в развалинах пригород, Берцик убеждался, что прежде не видел этого никогда, опять все вокруг казалось чужим и непонятным. Мелькнуло и пропало разрушенное здание элеватора, вокруг которого когда-то шел упорный бой, заброшенный стадион, где талибы казнили преступников. В руинах, похоже, кто-то жил, местами виднелись палатки и натянутые среди остатков домов тенты. И грязь, удушающая вонь вокруг. Кое-где на пустырях виднелась строительная техника: экскаваторы, грузовики, в кузова которых грузили битый кирпич и прочий мусор, ближе к центру появились высокие строительные краны.

Новый город на левой стороне реки, отделенный от Старого мостом, выглядел приличнее. Дома в несколько этажей, сады, прямые и широкие улицы, забитые полицейскими пикапами, такси. Замелькали какие-то учреждения, старинные, похожие на дворцы здания. Сбоку пронеслось высотное многоэтажное Министерство связи. Старое, многовековое наследие и современные дома рядом – контраст, примета времени. Магазины, уличные кафешки, киоски с фруктами и овощами – это был уже самый развитый, центральный район.

Гостиница оказалась большой постройкой за высоким и крепким бетонным забором с собственной проходной. Комнаты просторные, хорошо меблированные, с огромными окнами во всю стену, выходящими на улицу, и даже с собственными удобствами. В кранах воды, правда, тоже не оказалось, но в санузлах стояли наполненные вместительные бочки. После

барачного типа деревенского гестхауса, этот отель им всем показался оазисом роскоши и комфорта.

На поздний обед отправились в ресторанчик, что находился в самом конце Вазир Акбархана. Меню здесь порадовало значительно большим разнообразием, чем они привыкли. Кефирный суп с огурцами, клецки из тонкого теста с мясным фаршем – ашак, все оказалось очень вкусным.

В Кабуле съемочная группа должна была пробыть неделю, доснять последние кадры. Режиссер с оператором милостиво взяли эти заботы на себя, отпустив Штефана хлопотать в государственных учреждениях и посольстве за их забывчивого друга.

Сначала дела шли туго. Молодой, закованный в офисный костюм работник посольства, с которым они имели дело, совсем не обрадовался свалившейся на его шею доуке. Спасло их только то, что киношников здесь знали, да и представляли они почти государственный телеканал. А еще помог безукоризненный польский язык, который продемонстрировал Берцик. Чиновник ни на секунду не усомнился, что видит перед собой соотечественника. Что, правда, не помешало ему озаботить друзей получением кучи справок, только после предоставления которых он сможет рассчитывать выбраться из Афганистана.

В кабульских учреждениях было душно и жарко, все делалось неторопливо, специально затягивалось. Но они покорно отсиживали длиннющие очереди, вежливо-витиевато излагали свои просьбы, льстили, ругались, грозили, платили бакшиши, и так постепенно раздобывали бумажку за бумажкой, нужные им документы.

По вечерам, когда все закрывалось до следующего утра, просто бродили по городу, рассматривая местные достопримечательности. Старое, традиционное здесь вполне мирно уживалось с новым. Кабульский университет, Публичная библиотека, Академия наук, политехнический институт, пусть и пострадавшие, утратившие часть своих фондов, но живые, развивающиеся. А рядом – мрачные крепостные стены, построенные для обороны невесть когда, местами более четырех метров высотой, с глубокими бойницами для стрелков. Старинные цитадели, дворцы. Контраст, берущий за душу, путающий во времени, чарующий.

Прямо на центральных улицах сидят за маленькими столиками менялы, перед которыми высятся стопки денег: доллары, евро, афгани, курс везде немножко отличается. Вдоль вонючей и грязной реки, куда, похоже, сливаются нечистоты, сбрасывается мусор со всего города, расположились рынки. Базар Миндаи – самый знаменитый и популярный в городе. Восточный базар – это целый город со своими жителями и законами. Целый день здесь кипит людской водоворот. Кричат, зазывая покупателей, бойкие торговцы. Несметное количество чайных, маленьких кафе, шашлычных предлагают попить, поесть, или просто посидеть, отдохнуть от насыщенной торговой жизни. Рядом лабиринты лавок, где делают все: ювелирные украшения, шьют, вяжут, ремонтируют.

Прилавки ломятся от специй, фруктов, овощей, мяса. Здесь можно купить все: сумки, поделки из камня, дубленки, пуговицы, духи, сковородки, посуду. Стоит все копейки до тех пор, пока торговцы не видят европейца. Тут же цены поднимаются в три-пять раз. И начинается напряженный, цветистый и красочный торг, до тех пор, пока у покупателя ни сдадут нервы, и он ни заплатит того, что от него хотят, все равно больше, чем все это стоит. Восточные законы гостеприимства, никуда не денешься.

Штефан привел своего друга сюда, потому что хотел найти шелковую шаль жене. С трудом продвигались они вдоль рядов магазинчиков, хозяева каждого старались заманить их к себе или хотя бы остановить для неспешной беседы. Вокруг, над отбросами, жужжали тучи мух, под ногами шныряли тощие облезлые кошки, малолетние нищие окружили их толпой, мешая идти, протягивая со всех сторон руки за подаянием. Друзья уже подумывали отказаться от мысли купить тут что бы то ни было, и отправиться спокойно в гостиницу, когда из какого-то тупика между лавками вынырнул мальчик постарше, грозными криками разогнал толпу

попрошаек. Но сам вцепился в плечо Штефана и обрушил на него экспансивный поток сильно исковерканной акцентом английской речи.

– Что он хочет? – переспросил Альберт.

– Говорит, что его бабка лучше всех в Кабуле гадает о будущем. Предлагает пойти к ней. Я сейчас прогоню его.

Но почему-то, по каким-то неясным для него причинам, это сообщение заинтересовало Берцика. Он спросил у парня далеко ли идти, и тот показал на узкий проход между магазинами, из которого только что вышел сам. Берцик решительно свернул туда. Чертыхаясь и пеняя на то, что здесь их могут обокрасть, а то и покалечить, его друг последовал за ним.

Там, в крошечном дворике за лавкой, прямо на земле сидела полная, замотанная в черный платок, старуха. С какой-то робостью в душе Берцик остановился прямо перед ней. Ее темные глаза уперлись в его зеленые, как лазерным лучом ощупывая, освещая все внутри. Продолжалось это только мгновение, но Берцику показалось – ужасно долго. Наконец, старуха повернулась к мальчишке и заговорила быстро, нервно, помогая себе жестами.

– Бабушка говорит, ты что-то потерял, очень важное для тебя, – запинаясь, перевел парень, – но ты найдешь, только не скоро, много времени пройти должно. Еще у тебя дорог много впереди, и не только тех, по которым ходят и ездят, тех дорог, которые ты сам себе будешь выбирать. Еще она говорит, чтобы ты ничего не боялся, тебе в жизни так положено, прожить то, что ты сейчас проживаешь. Как все сам сделаешь – так оно у тебя и будет.

– Скажи ей спасибо, и вот возьми, – протянул Штефан деньги, – и объясни, как нам отсюда выйти.

Но бабка продолжала еще что-то говорить, теперь уже глядя на Штефана.

– Она еще говорит, что вы познакомились случайно, а дружить будете долго, и что ты хороший человек.

– Ладно, выводите нас отсюда, пошли мы.

– Бабушка спрашивает, что вы хотели найти здесь, на рынке?

Штефан объяснил про шаль.

– Бабушка говорит, чтобы я отвел вас туда, где самые лучшие.

– Ну что ж, пошли.

И правда, через несколько минут они подошли к лавке, где улыбчивый хозяин развернул перед ними шелковые шали необыкновенной красоты. А цена оказалась намного меньше того, что они рассчитывали заплатить. Пройдет потом много времени, все переменится вокруг и внутри, но каждый раз при взгляде на эту шаль и Штефан, и Берцик будут вспоминать затейливый, контрастный восточный город, шумный базар, бабку-гадалку, сидящую на голой земле. Обязательно нужно прожить достаточно лет, чтобы понять, как суетно и временно в жизни все, кроме собственных воспоминаний.

Наконец, через пять дней мытарств по разным кабинетам, все необходимые бумаги были собраны, и Берцик смог получить в посольстве разрешение вылететь в Польшу. Своих денег у него не было, и за билет заплатил Штефан, а Берцик, чувствуя себя бесконечно униженно, горячо пообещал вернуть деньги при первой возможности. На что друг только рассмеялся:

– Конечно, вернешь, не бойся. Нужно помогать друг другу. На твоём месте мог бы оказаться и я, а ты – на моем.

Аэропорт. Они выгрузились около небольшого, одноэтажного здания на переполненной, грязной и пыльной автостоянке. Досмотр, паспортный контроль, белоснежный лайнер. Сверху Кабул оказался похож на блюдце, забытое кем-то среди гор. Глядя в окно на отступающий все ниже город, Берцик мысленно пожелал счастья этой угрюмой горной стране, где, похоже, он сам недавно заново родился. Теперь опять его впереди ожидало новое, пока еще скрытое тысячами километров пути и облаками, мягкие груди которых распластались за стеклом иллюминатора.

Его спутники были веселы и довольны. Они летели домой.

Глава 3

В Варшаве киношная группа оставалась вместе только два дня. Они отчитывались за сделанную работу и доделывали, монтировали фильм.

Еще только выходя из здания аэропорта, Берцик почувствовал, понял, что этот город ближе ему, роднее, чем мрачная восточная столица. Он где-то рядом с домом, с собой, он вернулся, чтобы вспомнить.

Варшава в середине мая – это цветы. На клумбах, в парках, на балконах. Цветущие, одуряюще пахнущие каштаны на улицах и в скверах. Узенькие улочки Старого города, где здания стоят вплотную друг к другу, единой стеной, без проходов между ними, будто нарисованные рукой ребенка. Чистенькие, словно свежевыкрашенные дома, с арками, двориками – это напоминает уже заботливо выписанную миниатюру. И звуки везде, в каждом районе города разные, но вместе сливающиеся в единую мелодию, оперу. Город – музыка, услышанная Шопеном.

Потоки машин на перекрестках, высотные современные дома в Новом Городе – весь облик старой классической Европы был ему, несомненно, знаком и комфортен. Но, к своему сожалению и против надежды, вспомнить и этот город не удалось. Гуляя по улицам, Берцик не только рассматривал достопримечательности, проникался атмосферой. Он постоянно, ежеминутно ждал. Вот сейчас, через секунду, внутренний голос подскажет ему, позовет куда-то. Он свернет на каком-то перекрестке, зайдет в один, особенный лично для него, отличающийся от всех остальных, дом, и... Там произойдет с ним что-то хорошее, он всё и всех вспомнит, узнает. Потому что вот так случайно, сам собой, окажется дома. И забудет тогда весь тот ужас, что был с ним, как жил он, ничего не ведая о себе. Но сколько он к себе не прислушивался, ничего такого с ним не случилось, не появлялся внутренний указатель, не звал свернуть куда-то. Все молчало внутри, не отзывалось, как и прежде. Он не расстроился, отлично понимая, что здесь ему будет легче и привычнее, чем там, где находился еще вчера. Он просто радовался, что вырвался, вернулся.

Фильм, снятый его друзьями, презентовали в маленьком овальном зале. На просмотре присутствовало человек тридцать. Берцик сидел на последнем ряду, стараясь не мешать обсуждению. Свет погас, в темноте на экране развернулись знакомые картины. Сейчас, так далеко от того, что он видел, все, так недавно пережитое им, казалось сказкой, затейливой, восточной, почти незнакомой, так и не понятой до конца.

Документальный фильм про Афганистан был успешно сдан, уже скоро его увидят телезрители. Съёмочная группа распалась. Михал и Штефан собирались дальше, домой, в свой город. Анджей с Беатой жили тут в столице. А Берцику опять предстояла больница, на нее он возлагал большие надежды. Обменявшись координатами, все отправились в свои стороны. Супруги пообещали навещать Берцика в госпитале.

Больница оказалась современным удобным зданием, расположенным посреди цветущего сада. Ее даже сравнить нельзя было с той, где он совсем недавно лежал с гипсом. Палата рассчитана на двоих. Там уже находился коренастый плотный мужчина, загорелый, с широкими, привыкшими к физическому труду, ладонями, по виду – приблизительно ровесник Берцику. Представился сосед Вацлавом. В больнице оказался по настоянию родственников, которых последнее время беспокоило его высокое давление. Вацлав казался человеком деятельным, не привыкшим целый день проводить в кровати. Скучать от безделья ему было явно непривычно и в тягость. Но, чтобы подобрать лекарства от давления, врачам требовалось не меньше двух недель.

Проводя, как всегда в больнице, достаточно времени в праздности, соседи много разговаривали, рассказывая о себе. Так Берцик узнал, что у Вацлава собственная ферма в тридцати километрах от Варшавы, где он выращивает цветы.

– А сейчас еще, представляешь, шиншилл завел, хочу попробовать. Все говорят – хороший бизнес, прибыльный. Купил я десять самочек. Как они там без меня? На дочку оставил, только бы не погубила, справилась с ними. Так меня не вовремя давление это прихватило, сейчас самое время работать, – не единожды в день сокрушался Вацлав. Для Берцика его рассказы о ферме, цветах, дочке и шиншиллах звучали гимном. Гимном добропорядочности, оседлости и домашности, которых он сам был лишен уже долгое время. Они вызывали глубокую, неподконтрольную разуму зависть, с которой сам он ничего не мог поделать. Теперь он уповал на врачей.

Но у докторов тоже почти ничего не получалось. Пока они не сообщили ему чего-то нового, полезного, того, что он не знал бы раньше. У него биографическая амнезия, вызванная, по-видимому, ушибом головного мозга и стрессом. Ушиб почти прошел, но память пока не вернулась. Ему провели обширный курс медикаментозного лечения, но результатов он не дал. Как не помогли ему и другие методы, к которым прибегли врачи. Внутри него ничего не изменилось, все также его прошлое оставалось спрятанным от него.

В больнице его навестили Анджей с Беатой. Узнав, что все обстоит по-прежнему, решили помочь ему, сняв о нем сюжет и показав по телевидению. Может, кто-то узнает его, отзовется. Ведь где-то есть люди, которые знают и помнят. Сюжет был снят и прошел несколько раз по центральному телевизионному каналу. Но никто не нашелся и не отозвался. Кажется, вокруг него полная пустота, через которую никогда не удастся прорваться. Никто нигде не знает о нем, не ждет, не ищет. Он только один такой в мире, неизвестно откуда взявшийся.

Берцик опять отчаялся и загрузил, в голову снова полезли непрошенные и вредные мысли.

Как-то вечером его пригласили на консультацию к профессору, приехавшему в Варшаву всего на несколько дней. Профессор – совсем пожилой дядечка в очках с тяжелой, широкой, темного цвета оправой. Принимал он Берцика в кабинете завотделением, тоже присутствующего там. Внимательно рассмотрев все снимки и результаты наблюдений, профессор, наконец, снял свои уродующие очки и удобно облокотился о стол.

– Что же мне сказать вам, молодой человек, – начал он, – вам, вероятно, очень страшно жить сейчас так, ничего не помня?

– Да нет, ничего, я справляюсь, привык уже.

– Плохо, что справляетесь, лучше бы уже справились. Да. У нас тут с вами еще все осложняется тем, что вы находитесь в непривычной для себя обстановке. Были бы у себя дома, глядишь, давно бы все вернулось, вспомнили бы, среди привычных условий, родных и близких. Но этого у вас нет. И помочь вам, молодой человек, тут мы совсем бессильны, не от нас с вами это зависит. Вас вон и по телевизору, я слышал, показывали, но никто не отозвался. Плохо. Непривычность окружения существенно тормозит процесс вашего выздоровления.

– Получается, я уже никогда ничего не вспомню?

– Нет, я склонен думать, что память обязательно вернется. Весь вопрос когда. Сколько уйдет на это времени? Медицине известны случаи, когда требовались десятки лет.

– Вы хотите сказать, что мне тоже придется ждать....

– Нет, я думаю, в вашем случае все произойдет раньше. Но конкретные сроки назвать затрудняюсь. Более того, скажу прямо. С точки зрения медицины, молодой человек, вы совершенно здоровы. А вот почему не возвращается память, об этом мы знаем мало, здесь очень часто не только медицинская проблема, я бы сказал, чаще, чем хотелось бы. Но она вернется, обязательно. Это может произойти в любой момент, и по тысячи причин. Еще один стресс, радость или горе, испуг, удивление. Или просто проснетесь как-нибудь утром и поймете, что

все прошло. А может, воспоминания будут приходить постепенно, одно за другим, пока не сложится цельная картина. Никто вам не скажет, как это случится и когда.

В палату Берцик вернулся не в самом лучшем расположении духа. Невнятные объяснения профессора совсем не убедили его. Сосед Вацлав, искренне переживающий, и достаточно уже уставший от мрачности и подавленности своего приятеля, тут же приступил с расспросами. Узнав, что в прогнозах профессора ничего нового не появилось, он тут же принялся утешать Берцика, как делал уже не раз:

– Ну и ладно, наплюй. Ты здоровый, крепкий мужик. Руки, ноги целы. Голова тоже на месте. Что ты все переживаешь? Ты живи просто, не думай ни о чем. Все же тебе говорят, что память вернется. Просто надо подождать. Тебе бы в костел хорошо сходить, помолиться за себя. Знаешь, когда трудно – помогает. Я по себе это знаю, давно уже. Сейчас вот оправишься немного, подлечишься, и давай, приезжай ко мне на ферму. Рабочие руки там всегда нужны. И воздух у нас, знаешь какой, сразу на поправку пойдешь. Еще самочки эти. Как я за них переживаю! Дочка, правда, говорит, хорошо все. Все десять живы-здоровы.

– Спасибо тебе, Вацек за заботу и утешения. И за приглашение на работу тоже. Я, может, и воспользуюсь. Деваться-то все равно некуда. Мне вообще везет сейчас на хороших людей. Не знаю уж, как раньше было. Что бы я без вас всех делал – просто не представляю.

– Ничего. Ты не грусти, главное, наладится все. Ну что, может, партейку в шахматы?

– Давай, конечно.

Вот и в шахматы он тоже играл совершенно спокойно и уверенно. Кто, где, когда научил его этой игре? Гадать бесполезно, да и, получается, не так уж обязательно.

Слова фермера о том, что ему стоит сходить в церковь помолиться, запали Берцику в душу. Вот еще одно место, где он непременно должен побывать. Интересно, какие взаимоотношения с религией были у него в прошлой жизни? Крещен ли он? Верил? А сейчас? Странно, что такие мысли не приходили ему в голову раньше. Сейчас бы он, вероятно, назвал себя религиозным человеком. Без веры в его положении совсем плохо может быть, нельзя. Впрочем, просто надо сходить в костел и посмотреть, какие чувства он испытает там, внутри.

Через день Вацлава выписали, и он отправился к своим цветам, шиншиллам, жене и дочке. На прощание они обнялись как близкие друзья. Берцик пообещал не забыть сделанное ему предложение и после выписки тоже отправиться на ферму. Вторую кровать в палате теперь занимал совсем молоденький паренек, который целый день трепался по мобильнику со своей девушкой или слушал музыку через наушники.

Берцик тоже закончил все положенные ему процедуры, и теперь с ним работал психолог, стараясь прояснить, собрать как можно больше информации о нем: что именно он помнит и знает, какими навыками и умениями обладает.

Его психологом оказалась женщина лет тридцати, невысокая плотная блондинка с темными глазами и замечательной улыбкой. Улыбка – было то, на что он сразу обратил внимание. Она появлялась постепенно. Сначала что-то мелькало в глубине темных глаз, потом неуловимо менялось лицо, становилось каким-то ожидающим, предвкушающим. И только потом весело растягивались губы. В ответ тоже хотелось обязательно улыбнуться, ответить тем же. Звали психолога Дитой. Это имя очень подходило ей, оно тоже было веселым и улыбчивым, как и его обладательница.

Самый первый день их начался с того, что Дита попросила его рассказать все, что он знает о себе. Слушала она внимательно, аккуратно вписывая что-то на лежащий перед ней листочек. Только иногда, например, когда он добрался до того, как решил свести счеты с жизнью, она строго поджимала губы и осуждающе качала головой.

Когда он закончил свою совсем недлинную историю, Дита принялась задавать вопросы.

– Вы рассказали, что со своим другом сначала разговаривали по-английски. Значит, вы знаете хотя бы один иностранный язык. Насколько хорошо вы владеете английским?

– Точно я не могу сказать, там мне хватало, мы нормально понимали друг друга.

– Хорошо. А как вам кажется, знакомы ли вы с другими иностранными языками? Посмотрите вот на эту карточку, вы понимаете, что здесь написано?

Так постепенно, вместе, они установили, что Берцик еще знает немецкий, хоть и значительно хуже, чем английский, и даже слегка понимает французский, но уже совсем на простом, почти школьном уровне.

Очень заинтересовала Диту историю с гитарой. Медленно, никуда не торопясь, она вытягивала из него то, что даже сам он не знал о себе. Да, он поет, и очень прилично, причем может спеть и ноты. Совершенно очевидно, когда-то его этому учили специально. Не исключено, что это было его профессией. Кроме гитары, он играет еще и на фортепиано. Но нельзя сказать, что степень его владения инструментами высока. Вряд ли он концертировал. Но его знания инструментов достаточно для простого аккомпанемента. Так в анкете, которую заполняла Дита, появился плюсики напротив его музыкальных навыков.

Однажды психолог протянула ему плотный лист картона и мягкие карандаши, попросив нарисовать что-нибудь. Сначала он с недоумением воззрился на нее. Но она спокойно улыбалась его взгляду. Потом провел первую линию. Затем вторую, третью, десятую. Через полчаса с картонки на них смотрела еще одна Дита. Настоящая же захлопала в ладоши:

– Я так и знала. Все тесты свидетельствовали, что ты должен уметь рисовать. Я не ошиблась! Можно я возьму это себе?

Сделанное открытие вызвало недоумение у него самого. Рисует, значит. И что? Кем же он был? Художником? Или певцом? Непонятно ничего. И скорее всего, не очень нужно в той жизни, что его ожидает.

Еще они выяснили, что Берцик умеет водить машину. Но это знание оказалось и вовсе бесполезным, потому что получить права сейчас, в таком его сумрачном состоянии – нечего даже и думать. Это тоже объяснила ему Дита.

Следующие программы тестов были направлены на выявление его интеллектуальных знаний. Сразу стало понятным, что у него есть познания в области технических наук. Но на каком-то этапе все застопорилось, и сколько они не бились, так и не смогли докопаться, какова конкретная природа этих знаний. Дита объяснила ему, что это может означать, что знания его очень специфичны, касаются какой-то весьма узкой области. Или опять дает знать себя его амнезия. Именно тут может проходить граница того, что он не может вспомнить.

Бок о бок они проработали неделю, встречаясь каждый день и проводя достаточно времени вместе. Берцику нравилась эта женщина. Была в ней какая-то основательность и чисто женская доброта, не та, которая положена по профессии, а врожденная, естественная и неподдельная. Но и, конечно, не оставался он равнодушным к ее светлым легким волосам и мягкой постепенной улыбке.

Дита тоже, по всему видно было, увлеклась своим необычным пациентом. Не каждый день приходилось ей работать с теми, кто почти ничего не знал о себе, и скрупулезно, шаг за шагом, вытаскивать из самых глубин памяти информацию, скрытую от них самих. Она тоже эту неделю жила его жизнью, волнуясь и сопереживая вместе с ним.

В пятницу, когда они в очередной раз встретились в клинике, немного смущаясь и чувствуя себя не совсем ловко, Дита предложила ему в субботу совершить небольшую прогулку, объясняя это тем, что ей хочется показать ему еще раз Варшаву, может, все-таки он что-нибудь узнает там, знакомое для себя. И Берцик, конечно, согласился.

Крошечный красный Фольцваген Диты ждал его утром в субботу у ворот больницы. Они проехали по пустынным, из-за раннего часа выходного дня, улицам Варшавы, прокатились по набережной, по мосту через Вислу перебрались на левый берег в Старый город.

Это была совсем другая река, чем та, возле которой он не так давно опять начал жить. Широкая, спокойная, гладкая как зеркало. В ней вверх ногами отражались старинные затейливые постройки Старого города.

Оставив машину на стоянке, они вдвоем углубились в знаменитые Жолибожские сады. В парке никого не было, только редкие велосипедисты иногда проезжали по специально отведенным им дорожкам. Где-то в кроне деревьев щебетали птицы. Трава была совсем молодая, ярко-зеленая, а воздух наполнен ароматом цветущих растений. Здесь было спокойно, красиво, удобно.

Дита молча шла рядом с ним, тоже наслаждаясь чудесным днем. Сегодня на ней было шелковое, в крошечных незабудках, платье, а не белый халат, как он привык видеть в больнице. Ее легкие волосы были распущены и струились вдоль спины нежными завитками. И такая радость, покой захлестнули его, что он удивился себе самому. Ему показалось, что он готов всю жизнь брести рядом с Дитой по берегу этой вечной, как вся природа, реки и не думать, не волноваться вообще ни о чем. Дита тоже что-то почувствовала, изредка взглядывая на него и улыбаясь самым краешком губ.

Потом они долго сидели на траве, все также наслаждаясь теплом и спокойствием вокруг.

– Пойдем обедать? – спросила Дита.

Этот простой вопрос застал Берцика врасплах. Денег, которые собрали ему перед расставанием сердобольные киношники, за что ему до сих пор было стыдно и неловко, оставалось совсем немного. А перспективы впереди были совсем неопределенные. Униженное, зависимое положение постоянно давило на него, мучило, но ничего поделать с этим он пока не мог. Поэтому он только отрицательно покачал головой.

Легко разобравшись в его колебаниях, Дита продолжила:

– Пойдем, я угощаю. Это будет платой тебе за мой портрет. Он у меня дома на стене висит.

– Какая плата? Если бы не ты, я никогда бы не узнал, что умею рисовать. Мой скромный подарок – совсем маленькая часть того, чем я обязан тебе.

– Брось, пойдем обедать. Я приглашаю. Люди должны помогать друг другу.

Эти слова о помощи и милосердии он слышал уже несколько раз. Все должны помогать всем. А кому помочь ему, чтобы тоже соответствовать? Пока он только принимает чужую помощь и не может ничего отдать взамен. Пора как-то устраиваться, искать свои собственные пути, определяться. Хватит уже пользоваться чужой добротой и состраданием.

Они долго обедали на Замковой площади, наслаждаясь не только вкусной едой, но и прекрасным солнечным днем, а еще больше обществом друг друга. Потом они просто бродили по Старому городу, по его узким извилистым улочкам, петляющим между домами.

Постепенно у Берцика родилось стойкое ощущение, что этот день он тоже запомнит надолго, а может быть, навсегда. Было в нем что-то важное и правильное, настоящее.

Вечером, уже опять в машине, Дита, старательно отворачиваясь от него и делая вид, что полностью поглощена дорогой, небрежно спросила:

– Тебя на днях выписывают. Что планируешь делать дальше?

– Еще не знаю. Пока думаю.

– Может, останешься здесь, в Варшаве?

– И что я тут буду делать?

– Знаешь, здесь есть реабилитационный центр помощи тем, кто попал в сложную ситуацию. Зарегистрируешься там, я отведу тебя. Они помогут с жильем, работой. Подумай. Это шанс для тебя.

После того как они расстались, лежа на своей койке в палате, Берцик все еще продолжал думать над словами Диты. Конечно, просматривалась за ними ее личная увлеченность им. Да и для него проведенное вместе время уже стало что-то значить, представлять ценность, тревожить. Такая заинтересованность друг в друге могла вылиться во что-то более серьезное, значимое, можно было бы остановиться, проверить. С другой стороны, совсем незнакомые мужчина и женщина в силу определенных причин оказались рядом на некоторое время, в ситуации, когда приходится выворачивать душу, рассказывать о себе. Может, именно это стало основой их взаимного интереса, случайная глубокая вовлеченность в чужую жизнь, в данном случае, в его собственную? А при более близком знакомстве иллюзия пропадет, рассеется?

Что и кому он может сейчас предложить, когда сам ничего не понимает о себе? Разве может служить опорой, как положено мужчине, или хотя бы быть равным, а не ущербным и зависимым? Нет, он этого не хочет, боится. Хватит считать себя больным, пора что-то делать самому, и только тогда он сможет сам выбирать и решать.

Реабилитационный центр в Варшаве – не выход. Там он также останется несчастным и убогим, нуждающимся в помощи и сочувствии. А он больше не желает, чтобы его жалели, хочет сам управлять течением собственной судьбы. Решено, никаких богаделен, он будет пробовать по собственному разумению. А к Дите, если у него что-нибудь получится, он еще сможет вернуться, но уже совсем другим человеком.

Выписывался он во вторник утром. Помимо тех знаний, что он получил о себе, теперь у него в руках были документы, позволяющие жить и работать на территории Польши. Имя, придуманное еще в Афганистане, он оставил, потому что уже привык к нему. А фамилию взял, показавшуюся благозвучной. На порог вышел тридцативосьмилетний Альберт Вишневский.

Грустная Дита обняла его на прощание, сунув бумажку, на которой были написаны ее координаты, и попросила не пропадать, иногда сообщать о себе.

Он собирался совсем недалеко, на ферму Вацлава. Но перед отъездом у него осталось еще одно дело, которое он решил обязательно сделать.

Костел Святой Анны на Королевском тракте Берцик присмотрел в субботу, во время прогулки с Дитой. Среди большого количества варшавских церквей он выбрал его за относительно небольшие размеры и какие-то камерность и уютность, ощущаемые еще снаружи, только при взгляде на его украшенный скульптурами в нишах фасад.

День был будний, поэтому внутри почти никого не было. Тихонько, стараясь не привлечь к себе внимания немногочисленных прихожан, он опустился недалеко от входа на скамью и внимательно огляделся по сторонам. Арочный, затейливо расписанный потолок, строгой формы окна, золоченые колонны и скульптуры у стен, огромная хрустальная люстра на длинной тяжелой цепи. Он попал во дворец. И везде: со стен, с потолка, отовсюду, на него смотрели глаза. Милосердные и прощающие, страдающие и смиренные. Храм, место, куда приходят разговаривать с богом. Где Он может услышать и направить. Долго Берцик ждал, что с ним произойдет что-то особенное, может, получит, почувствует, совет. Но в душе ничего не менялось. Помпезная, слишком вычурная обстановка отвлекала, давила. Через какое-то время ему даже стало казаться, что он забрел сюда по ошибке, что бог, которого славят здесь, к нему самому не имеет никакого, даже случайного, отношения. Вокруг все было чужое и непривычное, не вызывающее отклика в душе. Наконец, он поднялся, отойдя к стене, еще минуту смотрел на алтарь. Его внимание привлекло оживление у входа. Двое юношей с громоздкими черными футлярами в руках переговариваясь почти шепотом, шли по проходу вперед. Остановившись у первого ряда скамеек, открыли футляры. Достали музыкальные инструменты. Скрипач и виолончелист. Переглянувшись, одновременно подняли смычки. Опять Шопен, вдохновенный и хрупкий, легкий и воздушный, загадочный и насквозь родной. Как весь этот город вокруг.

Смочив пальцы водой из чаши у входа, Берцик вышел на улицу. Вопрос о религии так и остался открытым для него. Пока он ничего не прояснил для себя. Теперь ему предстояло отправиться на вокзал.

Глава 4

К Вацлаву он добрался уже во второй половине дня. Они с женой встретили его приветливо и радушно, сразу усадив за собранный специально стол. По всему было видно, что и эти люди желают ему добра, готовы помочь. Его везение на людей продолжалось, затягивая все дальше и дальше в тенета людского сострадания. И он вынужден был быть благодарен за это, потому что ничего другого не мог придумать для того, чтобы самому распоряжаться своей жизнью. Только так – покорно принимать помощь со стороны.

За столом находилась и дочка хозяев. Берцик вспомнил, как в больнице Вацлав все время поминал ее и самочек шиншилл, которых ей доверил. Ирме оказалось всего девятнадцать. Длинноногая, белобрысая, со светло голубыми глазами она со скоростью ракеты носилась по всей ферме, успевая одновременно в несколько мест.

После обеда вместе с Вацлавом отправились знакомиться с хозяйством. Оно выглядело весьма обширным, но ухоженным. Прозрачными рядами стояли высокие и просторные теплицы с цветами. На столбиках, заботливо вкопанных в грядки, были написаны сорта и особые замечания по уходу за каждым видом растений.

– Ирма старается, хозяйшкочкой у меня растет, – с гордостью заметил Вацлав.

Шиншиллы жили в клетках, помещенных в отдельный чистый сарайчик. Это оказались забавные, похожие одновременно на маленьких кроликов или крупных крыс пушистые зверушки.

– Если дело пойдет – на них полностью перейду. Говорят, хороший бизнес, – опять поделился радостью хозяин.

Кроме самих хозяев на ферме работало несколько человек местных, мужчин и женщин из ближайшей деревни. После работы они уходили домой, к себе. Постоянный работник на ферме был только один, Адам. Над гаражом у Вацлава была крошечная, состоящая из двух малюсеньких комнат, квартирка с кухней. Там, потеснив Адама, теперь предстояло жить и Берцику.

Квартирка была не особенно удобная, тесная, днем жаркая. В ней часто пахло бензином от расположенного внизу гаража, где кроме принадлежавших хозяину машин, стояла еще и его садовая техника. Но Берцик все равно был доволен. Это его первое жилье, за которое он оплатит сам, своим трудом.

В этот же вечер он познакомился со своим соседом. Адам, ему было двадцать девять лет, оказался веселым, смешливым и легким парнем. Он рассказал, что закончив институт в своем городе, решил немного пожить для себя, пока молодой, помотаться по стране. И так уже три года живет, перебираясь с места на место. У Вацлава ему нравится, работа не особенно трудная, кормят хорошо, а Варшава совсем рядом. Всегда можно доехать и оттянуться где-нибудь, если душа попросит.

– А ты тот, с кем хозяин в Варшаве познакомился, в больнице, да? Который все забыл о себе? Мне Вацлав о тебе рассказывал.

– Я.

– Ничего, не дрейфь, прорвемся. Жизнь тут такая, простая совсем, и полезная. Глядишь, скоро все вспомнишь, на свежем воздухе.

Жизнь на ферме действительно текла однообразная, по давно сложившемуся ритму. В восемь часов все завтракали и принимались за дела. Работа, Адам сказал правильно, была совсем нетрудной, хоть и монотонной. В первые дни вечером Берцик, с непривычки, с трудом разгибался, спина и ноги ныли, болели, но совсем скоро привык и потом легко справлялся со своими обязанностями. У него появилось даже свободное время, которое можно было на что-нибудь потратить.

Хозяином Вацлав оказался хоть и требовательным, но не жадным, временами даже щедрым. У них сложились ровные и спокойные отношения. Вечера они часто коротали в саду за большим, из струганных досок, вкопанным в землю столом, играя в шахматы и попивая пиво с копчеными чесночными колбасками.

О чем бы они не разговаривали, каждый раз хозяин обязательно поминал свою дочь. Какая она у него красавица, умница, в школе лучше всех училась, первая помощница на ферме. Шиншиллы, и те ее обожают, слушаются, а она им имена придумала, и они на них отзываются. Такая безразмерная и преданная отцовская любовь вызывала у Берцика уважение, перемешанное с завистью. Им с Вацлавом, по виду, приблизительно одинаково лет. Может, у него тоже где-то есть дочь, а он об этом не помнит.

Как-то вечером они закончили свои посиделки в саду раньше обычного, их прогнал начавший накрапывать мелкий дождик. Поднимаясь через гараж к себе домой, Берцик понял, что там есть еще кто-то кроме Адама. Войдя, он быстро прошел в свою комнату. У Адама в гостях явно женщина, а звуки, доносившиеся из комнаты, не оставляли никаких сомнений в том, чем они там занимались. Часа через полтора женщина ушла, Берцик явственно слышал, как прошумели легкие шаги вниз по лестнице, ведущей в гараж. Он отправился на кухню приготовить себе чай. Там уже сидел возле закипающего чайника его сосед.

– Ты дома? – воскликнул удивленно.

– Дома, и давно уже.

– Ты... эээ... Не рассказывай только никому.

– Да ладно, на здоровье, я ж понимаю. Знал бы, что ты здесь не один, пришел бы позже, погулял где-нибудь.

– Ну, спасибо тебе. Если тебе тоже что-нибудь такое понадобится, не стесняйся, обращайся, я тоже погулять могу.

– Не думаю.

– Смотри, как знаешь, а то я всегда готов. Знаешь, как моя бабушка говорила: на ладную бабу смотря, сытым не будешь.

– И моя бабушка тоже это поговорку любила.

– Умные у нас с тобой, видать, бабушки были. Народная мудрость, она, брат, сила, я давно это понял, – балагурил Адам, пока не наткнулся взглядом на побелевшее лицо Берцика.

– Ты что? Тебе плохо? Может, ляжешь?

– Ты слышал, что я сейчас сказал?

– Да не волнуйся ты так. Слышал, конечно. Бабушки у нас с тобой похожие были.

– Бабушки! Я же не помню никакой бабушки.

Откуда, из каких глубин всплыла эта вот поговорка? Почему приписал он ее своей бабушке? Опять устроив внутри себя ревизию, никаких изменений Берцик там не нашел. Все оставалось как прежде. Ничего не знал он о себе, а тем более – о своей бабушке. Но слово вырвалось, сказалось. Может, и неслучайно. Может, действительно, его бабушка любила эту поговорку и часто повторяла. И он за ней. И вот сейчас тоже. В любом случае это хороший признак того, что память может скоро вернуться.

Жизнь на ферме текла размеренная и скучная, каждый день был похож на предыдущий: те же разговоры, работа, знакомые лица вокруг. Крутясь в повседневных заботах, через какое-то время Берцик стал замечать, что оброс тоже постоянными мелкими привычками и пристрастиями, занявшими определенное место в его жизни: свежая газета за завтраком, чашка кофе в полдень, гадкий запах от трубки ночного сторожа, все это стало значимым и важным для него. Иногда теперь он задумывался, не от прежней ли, прочно забытой им жизни остались эти привычки? Каким он был там: таким же, как здесь, или совсем другим? Сам, к примеру, курил вонючую трубку и пил только чай? Веселым или замкнутым? Вежливым или грубым? Вообще-то, казалось ему, что, скорее всего – таким же, как и сейчас. Но точно он знать не мог

и думал о том, как же уживутся в нем два разных человека, когда он, наконец, вспомнит то, что так прочно забыл, и если тот, забытый им, окажется совсем другим.

Второй раз он случайно стал свидетелем свидания Адама уже днем, когда зашел за чем-то, срочно потребовавшимся ему, в сарай с шиншиллами. Девушку ему разглядеть не удалось, потому что вошел он с яркого света в полутьму, да и она быстро сбежала, метнувшись к выходу за его спиной. Но и это происшествие не слишком затронуло Берцика, так как непосредственно к нему никакого отношения не имело. Молодой парень гуляет, чего же тут удивительного? Бегаёт к нему на свиданья какая-то девушка из деревни.

Он работал на ферме уже недели три, совсем привык, когда заметил, что стал объектом особенного внимания со стороны дочки хозяев, Ирмы. Слишком часто стала она попадаться на его пути, пристально смотрела пронзительными голубыми глазами, невзначай старалась коснуться. Сначала про себя он мысленно посмеялся, припомнив заодно и тайные свидания Адама. Видимо, воздух в этой части Польши располагает к романтическим приключениям и любви. Но оказываемые ему знаки внимания становились все более настойчивыми, он уже не мог делать вид, что совсем не замечает их.

А каждый вечер за шахматами Вацлав продолжал нахваливать свою любимую дочурку, делаясь с ним планами о том, как его маленькая девочка лет через пять, пошли ей бог, выйдет замуж за хорошего доброго человека, нарожает ему внучат, с которыми он будет возиться. Двусмысленность положения, в котором оказался, а также все еще не забытый им образ Диты, что иногда являлся ему во сне, подвинули Берцика решиться на откровенный разговор с Ирмой.

Разговаривали они после обеда, пока все отдыхали, за тем же самым столом в саду, где вечером шла игра в шахматы. Вокруг гудели, вились над цветами крупные полосатые шмели, пушистые, в черно-желтую полоску. Солнце светило с ярко-голубого, как нарисованного, неба.

– Ирма, я никак не могу понять, чего ты хочешь?

– Ой ли? Так уж и не понимаешь? Или только притворяешься? Не знаешь, что между мужчиной и женщиной бывает? Или тоже забыл?

– У нас с тобой разница в возрасте в два раза. Я тебе в отцы гожусь. Какая ж ты женщина для меня? Ты девчонка. В общем, прекращай, давай, свои шутки, отцу это не понравится.

– Да? А если не прекращу, что будет? Папке жаловаться побежишь? А ты попробуй, увидишь, что будет. Он тебе не поверит, но вмиг отсюда вылетишь.

Глаза Ирмы смеялись, но в глубине их светилось что-то такое, серьезное и порочное, совсем женское, не девчачье. Берцик не столько понял, сколько почувствовал, что ему не переубедить ее, не уговорить. Она все равно будет поступать, как захочет, избалованная девочка. Пойти пожаловаться Вацлаву – этот вариант он отмел сразу, тоже понимая, что как старший и мужчина, именно он и окажется во всем виноватым.

Прошла еще неделя. Постоянный, так и не прошедший, не смотря на все разговоры и просьбы, интерес Ирмы к нему, похоже, становился уже заметен и очевиден всем. Не раз теперь ловил Берцик на себе напряженный и оценивающий взгляд хозяйки, мамы Ирмы. Казалось, она прикидывает виды на зятя и никак не может решить, хорош он или плох для ее дочери и их самих. Вацлав, наоборот, стал каким-то напряженным и замкнутым. Он интереса своих женщин явно не разделял. Все это раздражало Берцика, утомляло, тем более что соответствовать чьим-либо планам он совершенно не собирался. В его новой, совсем непонятной для него самой жизни, пока существовала только одна женщина – Дита, которой он все-таки уже пару раз позвонил, и даже как-то встретился с ней на полпути от их фермы к Варшаве, чтобы пообедать в маленьком пригородном ресторанчике.

Их свидание в том ресторанчике получилось удивительно душевным и радостным. Когда он вошел, Дита сидела уже внутри, возле окна, ее волосы еще больше золотились на солнце, плавилась. Увидев его, радостно вскочила, чуть не перевернув массивный темный стол, возле

которого сидела, а он отчетливо понял, что в его жизни появился человек, который лучше всех, к кому он относится по-особенному, доверчиво и тепло. И он хочет обедать тут или где-нибудь еще – целую вечность, или просто сопровождать ее повсюду, быть рядом всегда, где бы она ни оказалась. И в ее глазах он прочел тоже самое, созвучное его чувствам. Похоже, она тоже ощущала что-то подобное, их мысли были направлены на одно, взаимны и понятны друг другу. Сейчас, набираясь сил и успокаиваясь потихоньку от всего пережитого, он искренне верил, что придет день, когда он захочет и сможет к ней вернуться совсем уже другим человеком.

Однажды они с Адамом поехали в кино в близлежащую деревню на Адамовой старенькой Шкоде. Фильм повествовал о любви, но оказался не особенно интересным, старым, в плохом размытом качестве. Перестав наблюдать за сюжетом, Берцик погрузился в свои собственные мысли и обстоятельства. Когда они выходили из кинотеатра, Адам шутливо толкнул его под локоть:

– Не грусти, пойдем лучше пивка холодненького попьем.

Они зашли в местную, заполненную преимущественно молодежью, пивнушку. Взяв холодные запотевшие кружки, пристроились за столиком у окна. Пока Адам пересказывал ему впечатления от фильма, Берцик, все еще продолжая думать о своем, рассеяно оглядывал посетителей. Вдруг в самом дальнем углу от них он услышал знакомый голос. Там, в окружении десятка юнцов, сидела Ирма. Но в каком виде! Толстый слой косметики на лице делал ее как минимум лет на пять старше, а короткая юбка уползла так далеко вверх, что были видны ажурные края чулок. Общение за тем столиком, уставленным пустыми пивными кружками и бутылками, велось давно уже на повышенных тонах, с применением не вполне цензурных выражений, и Ирма охотно и громко смеялась липким шуточкам своих спутников.

– Адам, смотри, – дернул Берцик за рукав своего приятеля.

– Что? А, Ирма. Ну и что? Она здесь каждый вечер сидит, среди таких вот уродов.

– Как каждый вечер сидит? Вацлав знает?

– Нет, конечно. Откуда ему знать. Она в свою комнату уйдет, скажет, что заниматься или спать будет, а потом через окошко – и сюда. Ее тут все хорошо знают, давалка местная.

– Ты что? Давалка – это кто?

– А то ты сам не догадываешься. Видишь, пивняк этот на трассе стоит. Сюда самые разные люди заходят, кто поест, кто выпить, дальнобойщики отдыхают. Местные девчонки здесь лет с двенадцать по кустам подрабатывают. Ты не знал, что ли?

– Так ей что, денег не хватает? Никогда не поверю! Отец – уважаемый человек, обеспеченный, она же у него может попросить.

– Ирма-то? Да она и не из-за денег, а так, за интерес, любит она это дело, ни одних штанов сроду не пропустила. Так ты же сам нас с ней видел, чего ж сейчас удивляешься?

– Вас? Я нет, не разобрался, думал, из деревни тебя кто навещает.

– Какой деревни, она это, никак проходу не давала. Я уж и так, и сяк, а она мне хочешь здесь работать, слушайся меня, а то я так сделаю, живо вылетишь за ворота. А теперь она и на тебя глазом косит, не замечал, разве? Причем как-то не так, как у нас с ней было, в открытую. Планы на тебя, видать, серьезные надумала. А я уверен был, ты знаешь, уже все у тебя за спиной шепчутся, что Ирма глаз положила.

– Слушай, так что же мне делать теперь, она совсем проходу не даст, и Вацлав, вижу, сердится.

– А ты женись, будете жить тут у Вацлава как на курорте.

– Смеешься? Придется мне другую работу искать, только вот где не знаю.

– Ну и правильно. Я тут тоже долго не задержусь, надоело девчонку по первому требованию ублажать, да еще трястись, чтобы кто не заметил. Вацлав, он, знаешь, такой, если рассвирепеет, может и поленом засветить, горячий.

– Да, я заметил.

– А мне уже все равно. Я и так скоро уходить отсюда буду. У меня, знаешь, мечта есть, – Адам уже немного захмелел, это было заметно по тому, как поблескивали его глаза, и заплетались слова. – Я тебе расскажу, ты только поклянись мне, что никому и никогда.

Берцику узнавать тайны подвыпившего Адама совершенно не хотелось, тем более клясться за них, но он выдал из себя что-то вежливое, чтобы зря не обидеть приятеля.

– Я хочу, – Адам приблизился к самому уху своего собеседника, – стать наемником. Вступить во Французский Легион. Знаешь, сколько там денег платят, здесь никогда столько не заработаешь.

– А как ты собираешься это сделать? Мы сейчас не во Франции.

– Есть у меня тут один парнишка знакомый. Он группу собирает, в Лион, на вербовочный пункт. Вот, у меня где-то даже бумажка была, какие там требования, сейчас найду, – Адам принялся рыться в карманах джинсов, – смотри, видишь, возраст – до сорока лет, три километра пробежать надо за двенадцать минут, тесты на коэффициент интеллекта, еще тут что-то. Хочешь, давай с нами, нас уже пять человек собралось, я тебя с кем надо в Варшаве познакомлю, тебе понравится. Вместе потом служить будем. Эх, жизнь начнется, это тебе не здесь, в богом забытой деревне сидеть.

– Спасибо, я подумаю. Но вряд ли, у меня и документы-то временные.

– Подумаешь, паспорт, не проблема, сейчас что хочешь нарисуют, только захоти.

– Ладно, посмотрим.

Эту ночь Берцик провел беспокойно, Разговоры о наемничьей службе натолкнули его на странную, бередящую душу мысль. Вдруг, это было уже в его жизни? Может, он был преступником или убийцей, там, в его прошлом таится от него самого нечто ужасное, такое, с чем нельзя мириться, жить. Память потому и не возвращается, чтобы не дать ему вспомнить страшное, что сделал он сам когда-то. Может, беспамятство – это благо для него, такая защита, посланная богом? Сейчас он живет и считает себя обычным человеком, а там, в прошлом, он мог быть чудовищем. Как он оказался у той реки, почему? Может быть, он просто сам не выдержал той жизни, которой жил тогда, и решил все оборвать в один миг? Почему нет? Такое вполне могло быть. Ведь пробовал же он то же самое в Афганистане! Только и тогда не получилось почему-то, удалось спастись. И теперь судьба дает ему второй шанс начать все с белого листа. И тот вот сюжет, что сняли Анджей с Беатой. Почему никто не откликнулся, не узнал его? Программа прошла по всей Польше, но никакого результата не принесла. Если он киллером был или преступником, наверняка ото всех прятался, не светился. Вот его никто и не запомнил.

Эти разлагающие все его естество сомнения плотно обосновались внутри и тоже стали изводить, мучить, лишать покоя. Как не старался он избавиться от них, но они не уходили, давили на него. Никак не мог он разобраться сам, в чем прав, а где ошибается. Чего ему от себя ждать и какого прошлого бояться. Однажды он поделился ими с Дитой, когда они опять встретились в том небольшом ресторане, что и в первый раз. Она стала утешать его, объясняя, что так часто бывает при биографической амнезии, когда больным кажется, что память скрывает от них нечто ужасное. Это нормально, и он должен стараться по мере возможности не обращать внимания, прогонять от себя все темное, что пытается завладеть его душой.

Но Берцик не особенно поверил, сочтя ее слова только попыткой утешить его, ободрить. Сам уже почти уверен был, что знает, чувствует, что он прав, нащупал в себе ту самую суть, которая столь долго ускользала от него. Одновременно он подумал о том, что ему следует ограничить свое общение с Дитой, да и с другими знакомыми тоже, потому что тогда, когда все вскрыется и станет явным, знакомство с ним, преступником, может скомпрометировать хороших людей, что искренне пытались помочь ему. А этого не надо, он не хочет. Это только то малое, что может он сделать для них – обезопасить от себя.

Между тем, Ирма продолжала свои заигрывания, теперь уже не особенно и скрываясь. Интерес ее стал понятен всем. Даже работающие на ферме местные стали чуть ли не в открытую обсуждать надвигающиеся перемены, поглядывая на Берцика с затаенным сочувствием.

Оказавшись с ней как-то один на один в оранжерее, он опять попытался поговорить:

– Ирма, скажи мне прямо, что ты от меня хочешь. Мне не нравится, как на меня здесь все уже смотрят.

– Хочу. Женись на мне. Нравишься ты мне, видишь же. И семья у нас с тобой хорошая будет. У тебя никого нет, ни родственников, ни друзей, весь мой станешь.

– Но я не хочу. Не люблю тебя. Да и не до семьи мне сейчас, с собой бы разобраться.

– Ну как знаешь. Смотри, как бы не пожалеть потом.

Почувствовал он и в Вацлаве тоже перемену в отношении к себе. Похоже, настырная дочка и отца уговорила. Теперь Вацлав стал с ним подчеркнуто дружелюбен и ласков, часто рассказывая как у них хорошо тут жить, какие люди прекрасные вокруг, и что он на все готов ради любимой дочки и будущего зятя.

А Берцика все сильнее давила, угнетала мысль о своем возможном преступном прошлом, о том, что нет места ему нигде среди порядочных людей, нельзя привыкать и любить кого-то, чтобы впоследствии не сделать несчастными. Ему уже казалось, что руки сами вспоминают приклад тяжелой снайперской винтовки и рукоятку смертоносно-остро заточенного ножа.

Неправильная, против его желаний и устремлений, обстановка, сложившаяся вокруг него разрешилась неожиданно и внезапно в один красивый июньский день.

С утра они с Адамом чистили клетки у крыс. Потом Адам пропал куда-то, занятый работой Берцик даже не заметил, когда это произошло. Дочистив, он прошел опять к началу ряда клеток, чтобы раскладывать шиншиллам еду, и тут опять услышал характерные звуки, доносящиеся из маленькой кладовки при входе в сарай. Подумав про себя, что вот, опять Адам с кем-то балуется, он открыл первую клетку. Но тут в сарай почти вбежал Вацлав.

– Ты Ирму не видел?

– Нет, сегодня не видел.

– И куда она только запропастилась, там мать ее ищет...

Вацлав запнулся на полуслове, тоже услышав вздохи из кладовки. Решительными шагами направился туда. Распахнув дверь, на куче прошлогоднего сена увидел Ирму с Адамом, в позе, не оставляющей никаких сомнений в том, чем именно они здесь занимаются. Лицо Вацлава побелело, а глаза, наоборот, налились кровью.

– Щенок! Девку мне портишь! Убью обоих!

Схватив подвернувшиеся под руки грабли, он бросился внутрь кладовки, но был остановлен Берциком, метнувшимся к нему сзади и сжавшим в захват.

– Перестань! Не надо! Дочь искалечишь!

Какое-то время Вацлав еще бился у него в руках, стараясь вырваться и продолжить расправу, но потом обмяк, успокоился, вспомнил о том, что он здесь хозяин.

– Ирма, домой, там поговорим. А вы пошли вон, оба, не нужны мне такие работники, видеть вас не хочу, чтобы через два часа вас у меня не было, – с этими словами он вышел из сарая. За ним убежала растрепанная Ирма.

Мужчины тоже отправились собираться.

– Извини, друг, я не хотел, чтобы так получилось. Ты тут вообще не причем. И спасибо тебе, что хозяина остановил, а то задавил бы меня как тот медведь разъяренный.

– Оставь, не важно, все равно мне тут от Ирмы житья не было.

Вацлав пришел через час, принес расчет.

– Альберт, извини, хочешь, оставайся, погорячился я, и Ирма там плачет, – сквозь зубы процедил он. Но Берцик только отрицательно махнул рукой. Ему лучше уйти отсюда, это он уже

понял, сейчас подходящий момент воспользоваться сложившимися обстоятельствами. Уже через полчаса они с Адамом выезжали на шоссе, ведущее к Варшаве.

Глава 5

Притормозили у маленького, всего из четырех столиков, кафе, стоящего на трассе. Взяли по чашке кофе. Мимо проносился бесконечный поток машин. Все спешили в столицу.

– Что делать будешь? – спросил его Адам.

– Даже не представляю. Наверное, еще у кого-нибудь работу поищу, на ферме. Опыт теперь есть.

– Брось. Давай со мной, в Варшаву. У меня там друзья, помнишь, я тебе про Иностраннный Легион рассказывал? Осмотришься, а потом, может, надумаешь и махнешь с нами. Ты мужик крепкий. Я только что сам видел.

– Не знаю. Как-то неожиданно все случилось. Поедем в Варшаву, если я тебя не стесню. Все равно деваться некуда пока. Там поглядим, как все обернется.

Альберт и сам удивился, как быстро успел перехватить Вацлава. Его тело словно действовало само, раньше, чем он успел сообразить, слегка даже напугав своего хозяина. Значит, он прав, и такой, то ли боевой, то ли преступный опыт в его жизни уже был, оставив и по сей день вот такую, стремительную и независимую ни от чего реакцию. Легион, так Легион, если так повернется судьба, над которой, получается, он еще менее властен, чем ему казалось.

В столице Адам привел его в чью-то большую, но неухоженную, запущенную квартиру, уже давно нуждающуюся в ремонте и капитальной уборке. В одной из комнат, тоже захлавленной, они и устроились, предварительно убив полдня на хотя бы поверхностную чистку и мытье окон.

Берцик даже толком не понял, кто тут хозяин. Постоянно толклись там человек пять длинноволосых парней, вольно угощающихся самокрутками с травой. Время от времени появлялись еще новые, незнакомые люди, в том числе и девушки, выглядевшие тоже непривычно, экстравагантно, богемно. Адам часто и подолгу с кем-то шептался с таинственным и заговорщицким видом, а потом сообщал ему, что дело потихоньку движется. Через пару дней должен приехать некий Алес, который везде все ходы-выходы знает, и тогда все будет устроено, они быстро сделают документы и махнут во Францию, на сборный пункт.

Не то чтобы Берцику нравились разворачивающиеся перед ним перспективы, или он верил этим, не пойми чего ищущим юнцам, возмнившими себя псами войны. На него навалилась душевная усталость и апатия, было ему сейчас решительно все равно, где и с кем он окажется завтра или послезавтра. Он готов был плыть в любом направлении и течении, куда затянет его жизнь без всякого на то его собственного участия. Ему удалось спрятать от самого себя глубоко внутри тревожащую его мысль о неблагоприятности и преступности своего прошлого. Но это совсем не означало, что отчаяние, которое он испытал, когда узнал о такой вполне реальной возможности, полностью прошло и не беспокоило его. Он просто застыл, стараясь изо всех сил сохранять в себе равнодушие и отстраненность от собственных душевных терзаний. И если судьба приведет его во Французский Легион, что ж, он готов, причем ко всему. В том числе и к тому, чтобы остаться где-то там, куда его забросит, в чужой земле навсегда. Сам, сознательно, больше он смерти искать не будет, но если его найдет она сама, роптать тоже не станет.

Несколько раз у него появлялась мысль позвонить Дите, встретиться с ней. Но он старательно прогонял ее. Не надо никого беспокоить, ввязываться в свои дела. У него нет такого права. Он будет всем распоряжаться сам, один, чтобы не о чем и не о ком было жалеть.

А пока он целыми днями гулял по Варшавским улицам, стараясь ни о чем не думать, а только любоваться теми видами, которые были у него перед глазами. За несколько дней он прошел, наверное, десятки километров. Этот город становился ему знакомым и близким,

открытым и понятным. Хотя, вполне возможно, так было и раньше, в той жизни, которую он уже отчаялся вспомнить.

Как и многим местным жителям, ему полюбилась Рыночная площадь – самый центр столицы. Казалось, что приходя сюда, он попадает в какое-то совсем другое время, не сегодняшнее – заполненное машинами, скоростями, тревогами, а то, что закончилось лет четыреста назад. Площадь всегда кипела людьми: магазины, кафе, рестораны, вернисажи уличных художников, среди которых он особенно полюбил прогуливаться.

Там же, среди своих картин, выставленных для продажи, художники за небольшую плату рисовали портреты всем желающим. Как-то в середине дня Берцик опять гулял на вернисаже, разглядывая громоздящиеся вокруг картины. За одним из мольбертов стоял не очень молодой уже художник, коренастый, невысокий. Волосы у него были темные, почти черные, местами с проседью, завязанные сзади хвостом. Перед ним на раскладном стульчике сидела молодая женщина с живым, постоянно меняющимся выражением лица. Молодой мужчина, видимо ее спутник, постоянно бегал от своей подружки за спину художника, чтобы взглянуть, как у того получается ее портрет. Но дела у художника, похоже, не ладились. Он строго зыркал на мешающего ему мужчину, обидчиво выпячивал губы, сердился. Наконец, резко сорвал лист с мольберта и гневно порвал на множество частей. Закрепил новый и начал все заново. Но вновь ничего не получалось. К нему подошел еще художник, стоявший по соседству. Сначала он только давал советы, потом подтащил и свой мольберт. Этот художник рисовал углем. Минут через пятнадцать он снял лист с мольберта. Портрет вышел чуть лучше, чем у первого, но все равно, на женщину похож был мало. Оба художника рассыпались в извинениях, объясняя своим клиентам, что редко, но бывают такие лица, которые очень тяжело нарисовать, уловить их неповторимость за то небольшое время, как рисуют портреты на улице. В мастерской, спокойно, за несколько дней, если женщина готова позировать несколько часов подряд, они, конечно, справятся, но цена, понятно, будет другая, и качество. Расстроенная молодая пара уже собиралась уходить.

Берцик сам не понял, какая сила словно подтолкнула его в спину. Просто он обнаружил себя уже рядом с мольбертами.

– Разрешите, я попробую.

Скептически переглянувшись, художники пожали плечами. Первый поставил на свой мольберт очередной чистый лист, подвинул карандаши. Женщина опять устроилась на стульчике.

Портрет у него пошел сразу. Было полное впечатление, что кто-то невидимый водит его рукой, направляет. Молодая женщина получилась очень похожей, почти живой. Когда ошарашенные покупатели ушли, художник протянул ему полученные за портрет деньги.

– Возьми, заработал.

– Нет, оставь себе, я просто так, захотелось попробовать.

– Да? Тогда давай пивка попьем, заодно и познакомимся, присаживайся, – пододвинул ему стульчик художник, – я быстро, только до палатки и обратно.

Обернулся он действительно скоро, тоже устроился рядом. Подошел и тот, что рисовал углем.

– Ну, рассказывай. Ты кто такой? Вроде, мы тебя раньше здесь не видели.

– Да, собственно, так, никто, просто гулял.

Берцик решил больше не рассказывать про себя, про свое беспамятство и ущербность. Ему уже надоело вызывать у всех жалость и сострадание. Он такой, каким есть сегодня. Зачем все время что-то поминать? Надо стараться устраиваться как-то, жить с тем, что есть.

– А учился ты где? – продолжал расспрашивать его пожилой художник.

– Учился?

– Да, рисовать.

– Нигде, само так как-то получается.

– Странно! У той девушки было очень сложное лицо. Я до тебя целый час бился, и все без толку. Правда, я не портретист. Но вон, Лех, – указал он на второго художника, – действительно умеет. А не смог. Ладно, как твое имя? Ты сам из Варшавы? Или приезжий? Вроде говоришь не как варшавянин.

– Я Альберт. Нет, я здесь недавно, но какое-то время еще пробую.

– А я Пшемислав, а он вон Лех. Будем знакомы. Хочешь, приходи к нам, тоже порисуешь. Нам интересно, что у тебя еще получится.

– Да я не знаю, смогу ли, я же так – пробую только.

– Смотри сам. Мы здесь почти каждый день.

На следующий день в квартиру, где жили они с Адамом, набилась целая толпа народа. Приехал Алес, которого ждали. Это оказался худой и высокий мужчина лет тридцати, с узким и каким-то нервным лицом. Все здесь относились к нему с подчеркнутым уважением, слушая и внимательно вникая в каждое его слово.

В холле в честь его приезда был накрыт длинный, заставленный разномастной посудой стол, за ним разместилось не меньше двадцати человек. Плотно закусив и выпив несколько рюмок, обнимая одновременно двух девушек, Алес стал расписывать все выгоды наемничьей службы.

– Мы с вами поедem в Лион, где обратимся во Французский Легион. Надеюсь, вы все готовы к сдаче экзаменов на физическую форму.

– Слушай, Алес, – обратился к нему Адам, – а если документы не в порядке, как до Франции можно добраться?

– Так тоже запросто. Нелегально перейти границу. А если по-простому, ночью вплавь форсировать Одер. А из Германии во Францию – уже никаких проблем нет доехать, – и он опять приступил живописать подробности биографии Боба Денара, в которого каждый из них обязательно со временем превратится.

– Алес, а откуда ты все это так хорошо знаешь? – задала вопрос худенькая белобрысая девчушка.

– Так у меня брат в Академии Национальной Обороны учится, к ним даже вербовщики приходили, рассказывали.

– И что, у тебя брат тоже в Легион собирается?

– Да нет, зачем ему. Он и здесь нормально работать может, да и семейный уже: жена, ребенок.

– Слушай, а ведь там и погибнуть, наверное, недолго?

– Нет, брось. Это в прошлом веке только случалось. А сейчас, все говорят – крайне редко бывает. Ведь и особых боевых действий нигде нет.

– А когда мы поедem?

– Так вот, сейчас соберемcя, и двинем через пару недель, мне тут еще одно дело надо закончить.

Все это выглядело как-то несерьезно, пустой бравадой, болтовней, мальчишеством, но вариантов у Берцика не было. Что делать дальше – он представлял себе слабо. Что ж, возможно Легион – это то самое место, где он вновь обретет себя.

За это время он привык и отчасти даже привязался к Адаму, хоть и заметил, что здесь, в Варшаве тот стал немного другим, более развязным и легкомысленным, чем на ферме, где во всем проступала железная рука хозяина. А тут сказывалось какое-то странное богемное окружение, в которое они попали. Люди, что сейчас рядом с ними, похоже, нигде не работали, а только перебивались от случая к случаю, придумывая себе всякие авантюры. Но здесь можно было жить, в этой огромной, не пойми кому принадлежащей квартире. Все время мелькали

какие-то лица, то появляясь на день-другой, то опять исчезая куда-то. Пока его никто отсюда не гнал, и он тоже пользовался чьим-то, так вовремя подвернувшимся гостеприимством.

Собирались они долго, прошло уже почти три недели, вместо обещанных Алесом двух, а Берцик и Адам все еще ждали. Они уже всерьез сомневались в полученных обещаниях и больше думали о том, где найти хоть какую-нибудь работу, потому что деньги, заработанные на ферме, таяли и испарялись, как утренняя роса с камней в жаркий день. К тому же, Берцика волновал вопрос о нелегальном переходе границы. В его обстоятельствах, с временными документами, по-другому никак не получится. Лично ему это препятствие казалось непреодолимым, как не уговаривал его Адам, поверить их предводителю и организатору Алесу.

Но Адам оказался прав. Алес возник у них под вечер, также внезапно, как и в прошлый раз. Был небрит, угрюм малоразговорчив, одет в тяжелые ботинки и с рюкзаком за плечами, уже собран в дорогу. Сопровождал его совсем молодой парень, почти школьник, худенький, со светлыми волосами, представился Гавелом.

– Завтра отправимся, – оповестил Алес и, поймав вопрошающий взгляд Берцика, выложил на тумбочку потертый паспорт, – тебе, чтобы не заморачивался. Берцик открыл клеенчатую книжицу. Мужчина на фото мало походил на него, но выбора не было.

– Не дрейфь, это так, на случай, поедем автобусом, скорее всего никто ничего проверять не будет, – продолжил Алес.

– А сколько нас? – поинтересовался Адам.

– Не видишь разве? Четверо.

– А ты тогда говорил, человек двадцать будет.

– Зачем нам двадцать? Чем больше нас будет – тем меньше шансов, что возьмут тебя и меня. Как раз – хорошо все.

В дорогу отправились рано утром. Пока старенький поезд тащился к границе, Альберт все думал о том, правильно ли делает, покидая Польшу. Все-таки здесь у него есть шанс что-то вспомнить о себе, узнать. Впереди – чужая страна, в которой эти надежды придется оставить. Или это к лучшему, пусть, все равно от его ожиданий толку оказалось мало. Спутники его тоже притихли. Наверное, каждый сейчас думал о чем-то своем, подводил итоги, старался заглянуть в будущее.

В начале вагона распахнулись двери. Полиция. Наряд двинулся по проходу между сиденьями, внимательно всматриваясь в лица немногочисленных пассажиров, большая часть которых мирно дремала. От Берцика не укрылось, как поспешно опустил на глаза темные очки Алес и с подчеркнуто-безмятежным видом отвернулся к окну. Гавел глубже нахлобучил кепку, откинулся на спинку в расслабленной позе уснувшего в дороге транзитного пассажира. Когда полицейские прошли в следующий вагон, Адам, тоже все заметив, обратился к попутчикам:

– Что-то стряслось? Полиции боитесь?

– Да так, – после секундной заминки отозвался Алес, – неприятности у нас, ничего страшного.

– Может, помощь какая нужна? Ты только скажи.

– Да, ерунда. Не бери в голову. Мы позавчера с друзьями вот у его отца Форд-Транзит взяли, покатались, и после вечеринки, сам знаешь, датые чуток были, не справились с управлением, вот и все.

– В смысле, как не справились? Что произошло?

– Выбросило нас на встречку, а там, как назло, машина такая, полугрузовая была, вроде фургона, с логотипом какой-то фирмы. Ну и столкнулись мы с ней, лоб в лоб.

– Ух ты! А что дальше было?

– Ничего не было, выбрались оттуда и разбежались кто куда.

– Как так? А та машина? Форд же бронированный, небось, всю в дребезги разнес, там же люди, наверняка были, они как?

– Я подходил, там только водитель был, вроде стонал, шевелился. А что, нам было делать, без прав, пьяненькими там на встрече ждать, пока нас тепленьких примут?

– Так вас же ищут, наверное. И через границу не пропустят.

– А у нас паспорта тоже левые, не бойся, все получится. А во Французский Легион по любым документам берут, и вообще без них. Я специально выяснял.

Да, вот как получается. Теперь он, Берцик, оказался в компании преступников, даже не сознающих это, по молодости, по дурасти. Пока еще можно повернуть обратно, они все еще в Польше. Нет, не стоит, некуда ему возвращаться. Только вперед.

После таких откровений, настроение, и так у всех невеселое, упало еще ниже, большая часть дороги прошла в молчании и отчуждении. Берцику казалось, даже легкомысленный Адам сейчас прикидывает, не повернуть ли ему, пока не поздно, домой, отказаться от авантюры.

В приграничном городке купили билеты до Марселя, перебрались в автобус. Только оказавшись без всяких проволочек в Германии, Берцик, наконец, осознал, что уже вступил на новую, непонятно куда ведущую дорогу, с которой уже не сойти. За окном мелькали чистенькие бургерские домики, его попутчики приободрились и даже развеселились, болтая о чем-то своем, мальчишеском. Впереди их ожидали Швейцария и Италия, пусть только из окна и на редких остановках, но все равно интересно. А Берцик все продолжал рефлексировать. Он погрузился в странное, невнятное состояние, когда, вроде, и не спишь еще, но все окружающее кажется размытым и нечетким, второстепенным, а где-то внутри остаешься один на один с собой, душу начинают наполнять другие, чем то, что вокруг, твои собственные образы и видения. Представлялось ему странное, ровное, почти без растительности, место, похожее на пустыню. Скрипит на зубах, раздражает глаза мелкий песок, который повсюду, даже, кажется, в плотно завинченной крышечке фляжки с водой. И жара вокруг такая, что трескаются, кровоточат губы, чешется все тело. Даже автомат под рукой раскалился от солнца так, что кажется, оставляет ожоги на коже. Вещевой мешок давит на спину, затрудняет движения. Хочется вскочить, сорвать с себя камуфляжный комбинезон и нестись скорее туда, где есть вода и прохлада. Нельзя. Те чахлые колючки, где они сейчас лежат – плохое укрытие. Стоит только поднять голову и снайпер своего не упустит. Только бы вытерпеть, дожждаться ночи. Темнота здесь падает сразу, занавесом, мгновенно прекращая игры, в которые играют люди. Только бы выдюжить, еще долго...

Автобус на повороте резко качнуло, и он выплыл, вывалился из своих видений, так и не успев понять, где находился еще мгновение назад. Что ж хотел подсказать ему внутренний голос? То явно была какая-то война. Где? Какая? Как он там оказался и когда? Может, вовсе не зря он сейчас находится в этом автобусе? Может, он просто приближается к себе, возвращается? А что? Сам он не в силах управлять судьбой, так, может, судьба управляет им, заходя на новый виток того, что уже было в его жизни? Не зря же все его прошлые тревоги и опасения. Было, явно было в его жизни что-то, связанное с оружием и войной: киллер, преступник, наемник или солдат? От судьбы не уйдешь, даже если вовсе не помнишь о ней.

В Марсель они прибыли поздно, почти в полной темноте. Автобус остановился на привокзальной площади. Быстренько перекусили в уличном кафе. Чтобы разобраться в меню, пришлось сложить вместе скудные познания во французском, имевшиеся у всех четверых. Потом отправились искать ночлег поблизости. Завтра ехать дальше – в местечко Обань, где располагается часть.

Уже в десяти метрах от площади они оказались в лабиринте узких запутанных улочек с кучами мусора прямо у дверей домов. И ни одного француза, вокруг только люди с темной кожей – марокканцы, алжирцы, арабы. По двое, трое, впятером стоят у перекрестков, болтают возле подъездов. И взгляды, тяжелые, недовольные, оскорбительные. Здесь не место туристам, тут свои законы. К острому запаху восточной кухни примешивается еле уловимый душок – опасности. Конечно, никто не нападет на четверых мужчин. Но только зазевайся, отвлекись,

сделай что-нибудь не так, например, толкни невзначай ту женщину, что тащит в сумки длинные батоны – и тебя уже нет, как не было, сам станешь мусором на какой-нибудь местной помойке. И никто никогда не узнает, не найдет, а иных – и искать некому. Все это, давящая атмосфера, запахи, звуки гортанной речи, что-то напомнило Альберту. Он уже видел нечто похожее. Когда? Да в Афганистане, миллион лет назад. Ну вот, у него уже появились собственные осознанные воспоминания.

Комнатку они сняли маленькую, грязную и бедную, зато дешевую, и душ в коридоре работал. Засыпая на огромной кровати, каждый из них все еще продолжал видеть дорогу, виды за окном, словно продолжал путешествие в автобусе.

До Обани поезд мчался всего минут пятнадцать, совсем близко. И там они шли недолго, уже через несколько сот метров уперлись в закрытые ворота КПП. Долго стучали. Ворота содрогались, железно гремели, но молодой солдатик выглянул только минут через десять. Что-то невнятно прокричав по-французски, захлопнул окошко.

- Что он говорит? – не понял Адам.
- Вроде, рано еще, чтоб после восьми приходили.
- А сейчас сколько?
- Семь шестнадцать. Ладно, пошли, погуляем.

Городок оказался маленький, провинциальный, уютный. Здесь все дышало покоем и давними, годами сложившимися привычками, которые никто не вправе нарушать: молочник, раскладывающий бутылки из своего пикапа в красивые домотканые сумки, висящие на калитках, девочка, подметающая перед занятиями в школе открытое кафе – так тут всегда, было и будет. Мирная провинциальная картинка.

– Алес, – спросил Берцик, оторвавшись от созерцания пасторали, – а почему мы вообще здесь оказались. Мы же в Лион собирались?

– А зачем? Там просто вербовочный пункт, все равно потом сюда привезут, здесь все решается.

В восемь часов они вновь стучали в ворота. Теперь их встретил полноватый низенький капрал, провел в маленькую приемную с диванами, приказал ждать и пропал на два часа. Устав листать старые журналы, Гавел подошел к стене со стендом.

– Вот, правила приема, – объявил он, – смотрите, требования к состоянию здоровья, физической форме. Возраст – желателен до тридцати, в исключительных случаях – до сорока.

- Такое известие неприятно удивило Берцика:
- А как же капрал, ему явно больше пятидесяти?
- Но остальные только пожали плечами.

– Не дрейфь, – бросил небрежно Алес, у тебя в паспорте – тридцать четыре года.

Дверь распахнулась, и в комнату ввалились человек пять парней, галдящих по-испански. Латиноамериканцы, похоже. Позади них плелся маленький грустный кореец или японец, судя по внешности. Замыкал процессию давешний капрал.

- Вы, четверо, давайте за мной.

В каптерке дядечка закинул на нос очки в старомодной оправе, записал фамилии, имена, даты рождения и стал разбираться с вещами и деньгами. Им оставили только туалетные принадлежности, мелкие деньги. Переоделись в майки, шорты, кроссовки. И наконец – казарма. Как только Берцик увидел это огромное, заполненное койками помещение, у него в душе словно отозвалось что-то, будто он уже был где-то в таком же месте, видел уже все это. Вспомнив о своем странном видении в автобусе, он еще больше укрепился в мысли, что-то похожее уже было в его жизни, он здесь не случайно, он – на своем, положенном ему месте.

Позади казармы, где днем находится воспрещалось, располагалась спортивная площадка. Там на бревнах сидели такие же, как и они, новобранцы. Еще через час к ним присоединились латиносы и кореец. Всего их собралось человек двадцать. Кто-то прибыл сюда

вчера, а самые давние старожилы – только позавчера. Преобладали все те же арабы, алжирцы, марокканцы, которых, казалось во Франции больше, чем французов. Были два чеха, постоянно шептавшиеся друг с другом и не обращающие внимания ни на кого вокруг. Трое оказались румынами. Имелся даже один иссиня-черный американец, называвший себя Бобби и улыбающийся всем так, будто он только что сошел с рекламного плаката зубной пасты. На бревнах Альберт оказался возле него и не удержался от вопроса на своем сносном английском:

– А ты чего здесь, такая страна, своей армии, что ли мало? Шел бы в морские пехотинцы.

– Нет, брат, это не то. А здесь романтика, новая жизнь с нуля. Про псов войны, слышал – легенды складывают!

Ага, легенды, сейчас! Тоже, наверное, на улице кого-нибудь сбил или кошелек неудачно попытался отнять, романтик, и так видно все. Впрочем, выбирать не приходится, в том числе и тех, кто его сейчас окружают. Все, похоже, были возбуждены необычной обстановкой вокруг и общими перспективами, к которым уже были совсем близки, поэтому оживленно обсуждали все вокруг, делились рассказами и откровенными байками. Только японец, или кореец, все так же грустно прибывал в полном одиночестве, потому что ни одного языка вокруг, кажется, не понимал. Вот кому сейчас плохо, даже слово сказать не с кем. С ним, Берциком, последнее время происходит что-то странное, словно меняется мироощущение, взгляды на все. Теперь каждый раз он везде старается найти людей, которым еще хуже, чем ему. Тех, кто мог бы позавидовать его собственным обстоятельствам. Наверное, так отзывается его болезнь. Ему плохо, и он нуждается в утешении, хотя бы в таком – некоторым сейчас еще хуже, чем ему.

Обед в светлой, залитой солнечным светом столовой, оказался замечательным, кормили здесь знатно. Единственное, Берцику и маленькому корейцу приказали потом убрать за всеми, и они долго драили грязные столы, внутри помышляя о том, что посидеть на солнышке сейчас было бы приятнее. Остальных они потом нашли все так же сидящими на бревнах и травящих очередные байки о преимуществах службы здесь. Сейчас все внимали Бобби, который устроил публику рассказом о, якобы, своем друге, что попал здесь, в Легионе в штрафбат:

– Вы все даже представить не можете, как там обращаются с людьми. Штрафбат – это самое страшное, что может с каждым случиться. Там никто не может устоять, там командиры – садисты и шизофреники. Только представьте, чтобы убрать территорию, всех ставят на колени в шеренгу, и мусор они подбирают зубами. Обедают там во время кросса, в одной миске смешивается первое и второе, и надо все быстро съесть, пока бежишь стометровку. Если не успел – сразу наказание. Могут привязать к столбу и оставить на целый день под солнцем без воды. Или к запястьям пристегивают сорокакилограммовые мешки с камнями, и дальше бежать надо уже с ними.

– Врешь ты все, – не выдержал флегматичный чех, – сам придумал, гонишь.

– Нет, друг рассказывал, клянусь, – но в глазах Бобби плясали смешливые чертики.

Так прошло два дня. Все время они проводили возле спортплощадки в безделье, словно это была не армия, а детский оздоровительный лагерь. Некоторые из них, чтобы не потерять физическую форму, начали бегать, подтягиваться, качаться. Остальные все также безмятежно болтали. Наряды на кухню или уборку в казарме теперь воспринимались с восторгом – все какое-то разнообразие.

На третий день после завтрака, наконец, что-то случилось – медосмотр. Это вызвало среди заскучавших парней подъем и ликование. Врачи осматривали каждого долго и придирчиво: травмы, позвоночник, зубы, зрение. Спрашивали об отношении к курению, алкоголю, наркотикам. Все, конечно, отвечали отрицательно, хотя, Берцик видел этот сам, многие втихомолку курили, прячась за углом казармы под навесом. Потом снимали кардиограммы. Несколько человек получили бумажки для дополнительных исследований – в Марсель. У румына оказался на спине огромный шрам, от левой лопатки до бедра. Врач отрицательно замотал головой, разразился негодующими восклицаниями. Но парень достал из кармана шорт

какой-то документ и сунул доктору. Тот углубился в английские строчки, потом бросил бумагу на стол. Берцик заметил, что это было тоже медицинское свидетельство, где было сказано, что шрам получен в детстве, вследствие неудачного падения с качелей.

Сам Берцик тоже удостоился недовольного взгляда эскулапа. На вопрос о возрасте он ответил, как было в паспорте – тридцать четыре, но врача, кажется, не убедил, тот состроил такую гримасу, что видно было – не верит. Тонometr показал плохое давление – сто шестьдесят на девяносто пять, и Берцик внутренне сжался, окончательно уверенный в том, что его пошлют в Марсель или вовсе выпихнут за ворота. Но почему-то ничего не произошло. Врач просто кивнул на выход из комнаты. У его друзей все прошло удачно.

А вот следующий день оказался уже более насыщенным на дела. Тест на физическую подготовку. С утра погода не ладилась, солнце спряталось за серыми низкими тучами, сеял мелкий дождь, и ветер дул резко, порывами. Беговые дорожки разбухли от влаги, кое-где виднелись лужи. Бежали одновременно по двенадцать человек, наклеив на футболки номера своих дорожек. Бежать надо было столько кругов, сколько сможешь, с ускорением, показывая на каждом следующем круге время лучше, чем на предыдущем. Берцик выдержал шесть палье и повалился без сил на бревно. Но тут же был призван подтягиваться. Руки и ноги, казалось, налились свинцом, тело не слушалось. Его хватило только на двенадцать раз. Но и его молодые друзья – показали результаты не лучше.

Сегодня уже никто не хохмил и не веселился. С ужасом ждали следующего дня – психотесты, задания на коэффициент интеллекта, а потом будет решение, кто из них годен.

Вечером они ужинали в столовой, мечтая скорее добраться до казармы, когда в дверях появился шеф-капрал с двумя солдатами. В руках у него был список:

– Шесть человек – на выход! Вещи и документы получите в каптерки.

Среди незнакомых фамилий Берцик чуть не пропустил свою, из чужого паспорта, к которой еще не привык. Вот так. Получается все. Просто и обыденно его выкидывают за ворота как ненужную вещь. А он так много думал, готовился, искал свою судьбу в том, что происходит, выходит, ошибался? Опять не то и не там? Или он сам виноват в этом?

Его очередь за вещами уже подходила, когда в каптерку вбежал Адам, тоже с рюкзаком.

– А ты что здесь?

– Да я тут подумал, ну их, не хочу не пойми за кого воевать, дурак был. И тебя оставлять жаль, привык уже.

Кроме вещей они, к собственному удивлению, получили еще по сто евро, зарплата, оказывается, за пребывание в Легионе. Когда они выходили в ворота, навстречу им, внутрь, проходила новая группа парней, оживленно переговариваясь между собой. И Берцику вдруг что-то показалось, он сам даже толком не понял, что именно, словно он тоже имеет какое-то отношение к этим посторонним людям, хочет быть с ними.

– Русские, – прокомментировал Адам, – на наших койках спать будут. Пошли!

– Что дальше делать будем?

– Я возвращаюсь. А ты? – Адам внимательно посмотрел на друга.

– И я.

В Марселе они переночевали в той же гостинице, которую уже знали, и через два дня опять были в Варшаве, вновь остановившись там же, где и раньше. Приняли их тут как героев, заставив сто раз рассказать о каждой минуте, проведенной в Обани. Но была в этом во всем какая-то странность – круг замкнулся, вернув их точно в то место, откуда начинался, ничего не переменив в их жизнях. Как будто свершившись напрасно.

Деньги почти кончились, следовало искать способы где-то подработать хоть сколько-то. Поэтому однажды он опять появился на Рыночной площади, уже с новеньким мольбертом

в руках. Пшемислав и Лех встретили его радостно, как родного. Похоже, они действительно проводили здесь все свои дни.

Сначала он смущался и волновался, когда к нему садились за портретом. Но очень скоро пообвык, и его карандаш легко, будто бы сам собой, скользил по листу бумаги. Портреты у него выходили чуть другие, не такие, как у всех остальных здесь. Женщины получались немного загадочней, чем в жизни, а у мужчин на лицах обязательно проступала какая-то собственная, особая индивидуальность. Выглядело это слегка странновато, подчеркнуто и непривычно, но именно из-за необычности его портретов, к нему частенько выстраивалась очередь из двух-трех человек, чтобы сесть на стульчик перед ним. Деньги за портреты получались, конечно, совсем небольшие. Но это было хоть что-то, можно было купить еду и самое необходимое.

Как-то в середине дня, когда он сидел среди художников, увидел на другой стороне площади Диту. Она медленно брела вдоль витрин магазинов, рассматривая выставленные за стеклом товары. Ее светлые волосы опять были распущены и мягким водопадом стекали вдоль спины, в руках – огромная летняя сумка с вышитыми на ней разноцветными бабочками. Она показалась ему такой родной, своей, что он чуть не побежал через площадь, чтобы немедленно оказаться рядом с той, кто частенько занимала его мысли. Но это было невозможно. Он сам запретил себе мешать ей. Зачем ей его проблемы, и то, что осталось в его прошлой жизни? Пока он может только мечтать, что когда-нибудь придет к ней совсем другим человеком. Полюбовавшись издали, он так и не осмелился подойти.

А Адам стал часто куда-то отлучаться, пропадать. Иногда даже он не возвращался ночевать, и Берцик ждал его, волнуясь, не случилось ли чего. К этому парню он чувствовал что-то, сходное с родительской привязанностью. Он даже переживал за него, беспокоясь, как бы не влип в плохую историю.

Когда Адам все-таки появлялся дома, пытался расспрашивать. Но тот только отводил в сторону глаза и что-то невнятно бурчал в ответ. Приходилось оставлять его в покое. Но сам продолжал волноваться.

Как-то постепенно, незаметно для себя он все больше сближался с Пшемиславом и Лехом. Художники оказались открытыми, совсем непритязательными людьми. С ними интересно было говорить и слушать. Они, кажется, знали все и обо всех в Варшаве, и охотно делились своими познаниями.

Уже был июль. Страшная жара обрушилась на город. Варшава стала какой-то сонной и пустынной. Сидя на рыночной площади, Берцику иногда казалось, что вокруг все движется, как в фильме, пущенном с пониженной скоростью, медленно, кадр за кадром. Даже в парках у реки не было прохлады. Растения все пожухли, уже не были такими зелеными, сочными, как тогда когда они гуляли здесь с Дитой. Удушающий зной напомнил ему даже Афганистан. Только виды вокруг были совсем другие.

Как-то, когда они все также сидели на Рыночной площади, в отсутствие желающих рисовать портреты просто болтая, Лех предложил:

– Может, уедем из Варшавы? Сейчас тут самый мертвый сезон. Все равно ничего не заработаешь, нет никого. Махнем к морю? У меня есть небольшой заказик там. В одной санатории просили расписать столовую. Деньги, правда, небольшие, зато жилье и еда бесплатно. Столовая у них большая, я говорил, что мне одному не справиться. Вы как?

– А что, – сразу воодушевился Пшемислав, – хорошая идея. Здесь все равно сейчас нечего делать. Я, пожалуй, соглашусь. Покупаемся, позагораем, на девушек красивых поглазеим, может, познакомимся, подружимся. Нет, я определенно согласен. Что ж ты раньше молчал?

– А ты, Берцик? – теперь оба художника вопросительно смотрели на него, – поедешь с нами?

Что ответить? Надо ли ему ехать? А почему нет? Что его держит здесь, в столице? Чужая квартира, из которой в любой момент могут выставить? Адам, явно живущий какой-то своей жизнью, в которую не особенно хочет его пускать? Работа? Разве ж это работа, всю жизнь не просидишь здесь, рисуя портреты. Дита? Но этого вопроса он решил больше не трогать. Значит, его ничего не останавливает тут, он может поехать.

– Да, я бы поехал. Только вот денег у меня совсем мало. Не знаю, хватит ли на билет.

– А у кого их много, – засмеялся Лех, – здесь таких нет. Какой билет? Поедем автостопом. Доберемся. Все, решено. Собираемся. Отъезд послезавтра рано утром. Встречаемся здесь.

Собирать Берцику было почти нечего. Все его немногочисленное хозяйство помешалось в легкий рюкзак. А вот поговорить с Адамом, сообщить ему о том, что он уезжает, следовало обязательно. К счастью, молодой человек появился дома в середине следующего дня.

– Адам, давай поговорим, мне нужно сказать тебе что-то.

– Опять, что ли, пенять будешь, что дома не ночую?

– Нет. Я хочу сказать тебе, что уезжаю.

– Уезжаешь? Куда?

Берцик рассказал про художников.

– Ну, дай бог тебе. Не пропадай, звони мне иногда.

– Конечно.

– А я, знаешь, тоже уезжаю. Только боялся все тебе сказать, – Адам выглядел виновато.

– Тоже уезжаешь? Домой решил отправиться?

– Нет, не домой. Ты не поверишь!

– Ладно, рассказывай, что за тайны такие!

– Я обратно поеду, к Вацлаву. То есть к Ирме.

– Как? Так вот где ты все время пропадал. Ну что ж, совет вам да любовь.

– Ну, об этом еще рано говорить. Но мне кажется, да, я люблю ее, несмотря на то, какая она, или даже за это тоже. Не знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.